



Лора Бекитт

Принцессы оазиса

«Литнет»

2024

Бекитт Л.

Принцессы оазиса / Л. Бекитт — «Литнет», 2024

Сестры-близнецы Анджум и Байсан родились в оазисе великой, прекрасной, жестокой пустыни Сахара. Однако малышку Байсан покупают у бедной арабской семьи офицер французской армии Фернан Рандель и его взбалмошная жена Франсуаза, чтобы воспитать ее как родную дочь. Хотя девочки вырастают в разных условиях, их связывает незримая нить. Жизнь французской колонии, каким был Алжир в 19 веке, быт бедуинов, безжалостность и человечность, жажда справедливости и любовь вопреки всему — в новом приключенческом романе Лоры Бекитт.

© Бекитт Л., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1-6	5
Глава седьмая	49
Глава восьмая	57
Глава девятая	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Глава 1-6

Глава первая

Солнце склонялось к западу. Медленно погружаясь в раскаленный песок, оно постепенно теряло свою жгучую силу, становилось похожим на стертую монету.

Золотые, оранжевые и красные тона неба уступали место новым оттенкам, среди которых преобладали холодные — зеленоватые, фиолетовые, серебристые. Неуклонно наползавшие тени, подобно пеплу, постепенно гасили пламя этого фантастического костра.

В пустыне ночь всегда наступает внезапно, как потеря сознания. На какой-то миг горизонт заволокла свинцовая завеса, и вот уже мрак раскинул над землей свое черное покрывало.

Когда догорающий закат возвестил о приближении темноты, Гамаль привязал к вкопанному в песок колышку веревочную уздечку, прикрепленную к железному кольцу в правой ноздре верблюда, соорудил перед шатром очаг из трех больших камней, увенчал его охапкой саксаула, разжег огонь и стал ждать, пока жена приготовит чай.

Халима управилась быстро, и вот он уже сидел на корточках, потягивая горячую жидкость и неподвижно глядя на тлеющие угли. Песок, воздух, ветер еще источали нестерпимый жар, но Гамаль знал, что скоро зной уступит место прохладе.

Небо сияло звездами. От горизонта до зенита мерцали серебром мелкие светила, среди которых мелькали крупные белые звезды и проносились ярко сверкающие метеориты, тогда как пустыню окутала непроницаемая тьма.

Гамаль с детства знал поговорку «Дай бедуину верблюда, седло, шатер, жену и детей, и он будет счастлив». У него все это было, но он не чувствовал себя счастливым. Не потому, что его шатер не покидала бедность и в последнее время дела шли все хуже и хуже, а оттого что с некоторых пор над головами его дочерей нависла опасность.

— Как думаешь, *он* снова придет? — спросила жена и робко предложила: — А если отдать ему верблюда? Может, он отстанет от нас?

Гамаль едва не поперхнулся чаем. Верблюда! Только это животное позволяет человеку существовать в пустыне, обеспечивая его молоком, мясом, шерстью, лекарством, которое делают из верблюжьей мочи. Люди без преувеличения обязаны верблюдам своей жизнью.

— Да ты что!

Халима заплакала, хотя в пустыне даже такая влага, как слезы, считалась драгоценной.

— Я не могу допустить, чтобы он надругался над одной из наших дочерей, а потом закопал ее в песок!

Гамаль только вздохнул. Несколько лет назад его жена, носившая имя кормилицы детей Пророка, родила двух совершенно одинаковых девочек. Это считалось несчастливым знаком. Согласно поверьям бедуинов, нельзя, чтобы один человек отражался в другом, как в зеркале. Обычно близнецов или одного из них убивали, но Халима, у которой до этого умерло несколько младенцев, вымолила у соплеменников позволение сохранить детям жизнь.

Девочек нарекли Анджум и Байсан, и они росли на диво здоровыми и красивыми.

Над головой висела луна, напоминающая то ли кусок раскаленного железа, то ли огромную каплю крови.

«Красная луна! Дурной знак, дурной знак!» — повторял про себя Гамаль.

Он верил в долю, назначенную свыше: «И всякому человеку мы прикрепили птицу к его шее...»[1] Птицу судьбы.

Гамаль знал, что от нее не уйти. Судьба — не верблюд, ее не потянешь в нужную сторону. Но Халима была не просто женщиной, а матерью, готовой хвататься за любую надежду, даже если та похожа на чахлую травинку.

С некоторых пор старший сын шейха Рахим повадился посещать шатер Гамаль под предлогом, что тот не платит подати, и постоянно напоминал о том, как опрометчиво было оставлять в живых близнецов, которые способны принести племени несчастье.

— Твоя вина в том, что оазис совсем обнищал! Ты должен отдать одну из дочерей! — твердил он, а когда Гамаль беспомощно спрашивал, что сын шейха собирается с ней сделать, нагло отвечал: — Неважно, что!

Впрочем, мужчина и сам все понимал. Рахим слыл любителем девочек возраста Анджум и Байсан. В оазисе пропала уже не одна. Этот негодяй был рад использовать надуманный предлог для того, чтобы жестоко позабавиться с одной из дочерей Гамалья.

Вопреки надеждам, Рахим появился из темноты в тот же час, что и вчера. Гамаль подумал, что повадки этого парня напоминают повадки шакалов, вечно рыскавших на краю оазиса.

Халима поспешно скрылась в шатре, а Гамаль выпрямился. Очаг погас, и мужчина был рад, что не видит лица своего мучителя.

— Так что? — спросил Рахим. — Ты передумал? Если не можешь платить подати, тогда убирайся из племени!

— Куда мне идти? В пески? — пробормотал Гамаль.

— А мне какое дело! — сын шейха повысил голос. — Я знаю только, что одна из твоих девчонок явно лишняя! Ее надо было задушить с самого начала. Не хочешь отдавать дочь — я заберу верблюда!

— Тогда мы погибнем! — простонал Гамаль.

— И что? Кому нужны такие, как вы!

Анджум и Байсан мирно спали в шатре. Здоровый румянец оттенял их смуглую кожу, длинные ресницы бросали тени на нежные щеки. Это были прелестные дети, о каких мечтал бы любой мужчина. И не важно, что они родились не мальчиками, а девочками.

Внезапно в душе Гамалья всколыхнулось нечто похожее на протест.

— Дочерей я не отдам! И верблюда тоже.

— Тогда утром я приду за долгом! Добудь его хоть из песка!

С этими словами Рахим повернулся и ушел, а Гамаль поднял полог шатра.

Халима скорчилась в углу. Ее лицо, как и лица других бедуинок, украшали синие татуировки, печальные глаза были обведены сурьмой. Бесчисленные косички, которые она никогда не расплетала, напоминали веревочки. Была ли она красива? Гамаль не задумывался об этом, ни когда женился на ней, ни сейчас. В пустыне существует лишь понятие необходимости, возможности и пользы. Когда он собирался вступить в брак, у него был только один баран, и отец Халимы согласился на одного барана, тогда как другие требовали двух. Потому Гамаль и посватался именно к Халиме.

— У Джан опять белые люди, — сказал он, желая отвлечь жену от горьких мыслей.

— Почему они верят ей, ведь у них другой Бог!

— Она обращается не к Богу, а к духам.

— Разве они главнее Аллаха?

— Они существуют сами по себе, — неуверенно произнес мужчина.

Джан была колдуньей, такой же древней, как эти пески. Гамаль помнил ее с детства, но то же самое можно было сказать и про его отца, а может, и деда. Девушкой и даже женщиной средних лет ее не знал никто. Она умела гадать и избавлять от болезней. К ней обращались бедуины из соседних оазисов, а то и белые люди. Последние щедро платили, потому шейх закрывал глаза на эти посещения, хотя вообще-то территория обитания племени была особым замкнутым миром, недоступным для чужаков.

— Она никогда не давала мне предсказаний, а всегда отправляла прочь! — с обидой произнесла Халима.

— Людям грешно задавать вопросы о своем будущем. Аллах знает, что лучше для каждого из нас, — назидательно произнес Гамаль.

— Если Рахим придет завтра утром, как обещал, что нам делать? — спросила Халима.

— Ничего. В конце концов, я пожалею шейху!

— На его же сына? — с испугом и недоверием прошептала женщина, и муж промолчал.

Первым делом любого шейха была забота о силе и сплоченности племени; его слово решало споры и тяжбы. Но иногда Гамалю казалось, что *их* повелитель и его сыновья больше напоминают свору бродяг. Безвольный и недальновидный шейх не заботился о том, правильно ли приближенные к нему люди устанавливают подати, потому зачастую те попросту грабили соплеменников.

Однако осуждать правителей было нельзя, ибо считалось, будто они ниспосланы народу самим Аллахом.

Мужчина решил лечь спать, потому как, что бы ни случилось, завтра ему понадобятся силы. Он жил сегодняшним днем и вместе с тем знал, что рано или поздно судьба даст ответы на все вопросы. Так же как пустыня способна научить всему, чему может научить жизнь.

Майор французской армии Фернан Рандель не любил пустыню, эту страну зноя и жажды. День ото дня пожираемое солнцем пространство казалось ему аренной смерти. Буйство света и жары в сочетании с неподвижностью пейзажа производили на редкость гнетущее впечатление.

Этим миром владели пустота и печаль, и Фернан считал идею отправиться сюда с женой крайне неудачной. Но он никогда не мог спорить с Франсуазой; не сумел переубедить ее и на этот раз. Она повторяла, что не видит перед собой будущего, что ей надо узнать, что ее ждет. Прослышав, что в одном из оазисов живет знаменитая предсказательница, женщина извела мужа просьбами повидаться с нею.

Как водится, старуха-бедуинка не сказала почти ничего конкретного. Однако она заметила, что их привело сюда само провидение и что этот шаг изменит не только их жизнь, а повлияет на судьбы многих людей, чем лишь подстегнула бессмысленное упорство Франсуазы.

— Если невзначай запнешься, остановись и оглядись вокруг: возможно, ты найдешь то, что давно искала, — промолвила бедуинка напоследок.

Заплатив старухе и выбравшись из ее грязного жилища, Фернан стремился поскорее покинуть этот затерянный в пустыне оазис.

Он вел Франсуазу туда, где были привязаны лошади, как вдруг женщина, споткнувшись возле какого-то шатра, остановилась, и ее глаза сверкнули. Майор слишком хорошо знал этот взгляд и потому мысленно застонал.

— Старуха сказала, что моя жизнь переменится, когда я споткнусь! Что в этот миг передо мной откроется путь, который определит мою дальнейшую судьбу! — заявила Франсуаза и принялась озираться.

— Я бы не стал воспринимать это буквально, — возразил Фернан, но жена его не слушала.

— Чей это шатер? — спросила она.

— Одного из бедуинов. Мы не можем останавливаться здесь, нам разрешили посетить только старуху, — нетерпеливо произнес майор, и в это время из шатра выглянул потревоженный их разговором мужчина.

— Простите, — сказал Фернан Рандель, — мы уже уходим.

Несколько лет назад он выучил арабский язык, неплохо говорил на нем и почти все понимал, тогда как Франсуаза знала только пару слов.

— Я бы хотела выпить верблюжьего молока, — упрямо заметила женщина, не желая двигаться вперед.

— Зачем оно тебе? Здесь все грязное и не стоит ни к чему прикасаться!

— Это неважно. Я желаю войти внутрь.

— Это невозможно! — возразил Фернан. — Жилище бедуина неприкосновенно. И мы иноверцы, чужие.

— Скажи, что мы ему заплатим.

Зная, что жена не отступит от своего и поняв, что другого выхода нет, майор смиренно сложил ладони и обратился к мужчине:

— Я вновь прошу у вас прощения, но моя супруга желает посмотреть, как вы живете. Это не займет много времени. И я дам вам денег.

Судя по всему, араб растерялся. Это был нерешительный человек, привыкший покоряться чужой воле и силе. Майор его понимал. В необозримой пустыне только безумец не ощущает себя немой и ничтожной песчинкой.

Когда бедуин приподнял полог, Фернан облегченно вздохнул и пропустил жену вперед.

Шатер был столь низок, что в нем можно было стоять только согнувшись. Грубая шерстяная ткань, истрепанная жестоким ветром, испещренная дырами, в которые виднелось звездное небо, была неровно притянута к кольям, отчего внутрь со всех сторон проникал прохладный ночной воздух.

В шатре находились женщина и дети. Две совершенно одинаковые девочки сладко спали, крепко прижавшись друг к другу, и Франсуаза уставилась на них.

Тут пахло козьими шкурами и немытыми человеческими телами, но француженка даже не поморщилась. Она разглядывала Анджум и Байсан, разглядывала жадно, со свойственной ей одержимостью, умением видеть только то, что она желала увидеть.

— Вот, — сказала она, не обращая никакого внимания на испуганную Халиму, — за этим я и пришла.

— За *чем*? — не понял майор.

— Смотри, какие девочки! Я хочу одну из них!

Фернан Рандель ужаснулся до глубины души. По иронии судьбы именно здесь, в мире, где царит пустота, где в душу незримым потоком вливаются безмолвие и покой, Франсуазу поразило самое безумное в ее жизни желание, мигом превратившееся в навязчивую идею! Такого нельзя было допустить.

Майор почти выволок жену наружу, под темное небо, на котором звезды казались алмазами — до того чист и резок был их свет, — и резко встряхнул.

— Скажи, что ты пошутила!

Она не вздрогнула и не отвела взгляда. Ее тон был тверд, как железо.

— Это то, что мне нужно.

— Это не вещи, не игрушки, а чужие дети!

— Ну и что? Они одинаковые. Пусть эти люди отдадут одну девочку нам. То есть продадут. Мы объясним им, насколько хорошо ей будет у нас!

— Нельзя продавать и покупать людей!

— Тем не менее это делается сплошь и рядом.

Майор попытался успокоиться.

— Объясни, зачем тебе эта девочка?

— Как зачем? — удивилась Франсуаза. — Она будет нашей дочерью.

Мужчина ахнул. Он ожидал чего угодно, но только не этого, и лихорадочно подыскивал доводы, способные вразумить жену.

— Эти девочки — арабки. Они не похожи на нас.

— Неправда. И у меня, и у тебя черные волосы и темные глаза. К тому же ты сильно загорел. И если я перестану прятаться от солнца, уже через несколько дней моя кожа тоже станет смуглой. Никто ни о чем не догадается.

— У нас не было детей, и вдруг мы появляемся с ребенком! Окружающие все поймут.

— Здесь. Но ты говорил о новом назначении. Там нас никто не знает!

— Этим девочкам не меньше шести лет. В этом возрасте дети все отлично понимают. Она не забудет своих родителей и сестру. Она не согласится считать тебя матерью. В таких случаях люди усыновляют младенцев.

— Я не люблю младенцев! Они все время плачут, и с ними неинтересно.

Фернан оглянулся на шатер.

— Эти люди нам откажут.

В глазах Франсуазы появился нехороший огонек.

— А ты сделай так, чтобы они согласились!

Фернан чувствовал, что теряет, как аргументы, так и почву под ногами. Он угодил в эту ловушку много лет назад и хорошо изучил ее особенности. Хотя, как оказалось, не все.

— Она не знает ни слова по-французски.

— Выучит.

— Она с рождения видела только пустыню!

— А мы покажем ей другой мир! — заявила Франсуаза. — Эта девочка нас полюбит, и мы наконец будем счастливы.

— А если она не понравится тебе или надоест?

— С чего бы вдруг? Я ее воспитаю, обучу хорошим манерам. Мы найдем гувернантку, которая займется ею, когда мне захочется отдохнуть.

Взяв мужа под руку, Франсуаза пытливо глядела ему в лицо своими никогда не улыбающимися глазами, и майор понял, что ему удалось избежать худшего. Что было бы, если б она закатила истерику или устроила скандал прямо здесь, в чужом месте! Эта женщина была способна на любые выходки.

Теперь Фернан пытался подыскать доводы уже для себя. Он женился в двадцать лет, а сейчас ему исполнилось тридцать пять. Несмотря на свою красоту, Франсуаза оказалась не той женщиной, о которой он мечтал, но существовали причины, по которым он все-таки жил с ней. Было время, когда он страстно желал, чтобы жена забеременела, но чуда не произошло. Долгие годы единственным смыслом его жизни была военная служба. Возможно, теперь ему наконец захочется возвращаться домой? Гувернантку, конечно, придется нанять. Было бы неосмотрительно и даже опасно оставлять ребенка наедине с Франсуазой.

Только вот как убедить бедуина продать им одну из дочерей?!

Майор снова вошел в шатер. Жена последовала за ним. В какой-то миг выражение властной целеустремленности на ее лице сменилось растерянностью и почти детской беззащитностью. Остановившись позади мужа, она в волнении стиснула пальцы, тогда как Фернан Рандель принялся говорить.

Он признался бедуину, что у них с женой нет и не может быть детей, а они очень хотят их иметь. Попытался объяснить, в какой чудесный мир попадет девочка.

— Я дам вам денег, — сказал он в заключение. — Вы сможете купить на них нескольких баранов или верблюда.

К его удивлению, араб не пытался возразить, а только слушал. Его жена тоже молчала, хотя напряженный изгиб ее рта и потерянный взгляд говорили о горьких сомнениях. Создавалось впечатление, будто безумное предложение Фернана не явилось для них неожиданным.

— Нам надо посоветоваться, — глухо произнес бедуин, когда майор умолк, и Фернан с женой вышли наружу.

Оставшись наедине с Халимой, Гамаль прижал руки к груди.

— Это судьба, — сказал он.

В его голосе прозвучала нотка безысходности, что поразило женщину в самое сердце.

— Я не хочу! — возразила она. — Это мои, наши дочери!

— Завтра одну из них может забрать Рахим. Он так решил и не отступит. И мы не сумеем ему помешать. Пусть лучше она достанется белым людям.

— Что они сделают с ней?!

— Ты слышала. Накормят, оденут, воспитают и вырастят.

— Анджум или Байсан?!

— Я не знаю, кого они выберут.

Халима молчала. Она знала, что утрата будет невосполнимой. Все вокруг говорили, что ее дочери абсолютно одинаковые, но она знала, что они разные. Она могла различить их даже на расстоянии, узнать по шагам, голосу, плачу или смеху.

— Мне не нравится эта женщина, — наконец сказала она. — С ней что-то не так.

— Зато мужчина вполне разумный и серьезный. Он обладает большой властью, и тем не менее, явился к нам как проситель.

Халима не возразила, хотя ей казалось, что здесь, в своем оазисе, затерянные в бесконечном пространстве, отделенные от остального мира полосой песков, они сильнее чужаков.

— Я выйду, — с надрывом произнесла она, — я не могу этого видеть!

Подняв полог шатра, Халима проскользнула мимо майора и его жены и скрылась во тьме.

Гамаль выглянул наружу.

— Заходите, — сказал он.

Хотя Фернан хорошо заплатил старухе, у него оставалась при себе приличная сумма, и он отдал бедуину все. После чего обратился к жене:

— Выбирай!

Он произнес это резко и жестко, ему было противно, потому что происходящее напоминало сцену на невольничьем рынке. Чем могла выбрать его жена? Сердцем, душой? Едва ли. Скорее, то было дело случая.

— Вот хотя бы эту... — нерешительно произнесла Франсуаза, показав на девочку, лежавшую ближе к ней.

— Как ее зовут? — спросил майор, и Гамаль ответил.

Осторожно подняв девочку с кошмы, Фернан вдруг понял, что никогда не держал на руках ребенка. Ощущения были неожиданными, новыми. Именно в тот миг, когда его ладони ощутили тепло детского тельца, оно проникло и в душу майора, разбредив нерастраченные надежды. Его затвердевшее сердце было разбужено, и он проникся верой в то, что его привели сюда высшие силы, что он поступает правильно и все сложится хорошо.

Фернан вышел наружу. Озаренная луной и звездами пустыня напоминала сверкающий океан. Все было залито серебром, словно во сне или в сказке.

Когда Фернан с ребенком на руках и Франсуаза удалились на такое расстояние, что их не стало видно, заплаканная Халима вернулась в шатер.

— Кто? — сразу спросила она.

— Байсан, — ответил Гамаль, — они выбрали ее.

Больше супруги не разговаривали. Им предстояло пережить это потрясение по отдельности, в полном душевном одиночестве.

Анджум разбудили привычные звуки оазиса: рев верблюдов, звон колокольчиков, блеянье овец. А еще — беспорядочные птичьи крики.

Выглянув наружу, девочка увидела огромную стаю, пересекавшую небо; перья птиц были окрашены восходящим солнцем. Она смотрела на них, пока они не сделались похожими на светящиеся золотые песчинки. И только тогда сообразила, что Байсан рядом нет.

Анджум вернулась в шатер. Сестры не было и там. Девочка растерянно оглянулась в поисках матери и вскоре увидела ее, несущую охапку саксаула для растопки.

— А где Байсан? — закричала она, не дожидаясь, пока Халима приблизится.

Ничего не ответив, мать подошла к шатру и, свалив саксаул на землю, принялась сооружать очаг. Когда Анджум повторила свой вопрос, женщина нехотя ответила, не глядя на дочь:

— Спроси у отца.

— А где он?

— Возле колодца.

Девочке почудилось, будто мать плакала, но едва ли это было так. Что бы ни случилось, женщины пустыни не привыкли тратить слезы.

Супруги так и не придумали, что сказать Анджум. Когда девочка еще спала, к шатру пришел Рахим со своими прежними угрозами, и Гамаль молча протянул ему деньги. Сын шейха едва не зашелся от злости. Однако, взяв плату, убрался прочь. Но это не принесло облегчения ни Гамалю, ни Халиме.

Анджум в самом деле нашла отца у колодца, где он с величайшей осторожностью наполнял бурдюки водой, а когда они разбухали, крепко завязывал их.

Из этого источника не поили скотину; ей давали воду из другого «колодца» — вырытой в песке черной дыры, где влага была вонючей и темной. Иногда такую жидкость приходилось пить и людям, но это никого не смущало. Жаловаться не приходилось: оазис без того был чудом, местом, которому Аллах в виде величайшего исключения подарил влагу и тень.

— Отец, где Байсан? — воскликнула девочка. — Мама велела спросить у тебя.

Гамаль замер. Что он мог сказать? Он и сам не знал, как и почему у него вырвалось:

— Она... умерла.

У Анджум подкосились ноги, и она села на песок. Ее взгляд остановился. Она не до конца понимала, что такое смерть, но она видела мертвых. У них были страшные неподвижные лица. Мертвецов заворачивали в ткань, опускали в яму, засыпали сверху песком, и никто никогда их больше не видел.

— Где она? — прошептала девочка. — Я хочу посмотреть!

— Я же сказал, ее нет, — пробормотал мужчина.

— Ее уже закопали?!

Это было выше сил Гамалья, и он коротко ответил:

— Ступай к шатру.

Почувствовав, что ничего не добьется, Анджум медленно поднялась и побрела в сторону своего жилья. Она опять попыталась задать матери вопросы, но та упорно молчала. Халима не приласкала единственную оставшуюся у нее дочь: обитатели пустыни не привыкли к нежностям.

Говорили здесь тоже мало, потому что очарование и мудрость пустыни заключены именно в тишине, помогающей мириться со своей долей, придающей душе равновесие, незнакомое людям, живущим в постоянной суете.

Поднявшееся над горизонтом солнце быстро набирало знойную силу. Сперва теплые порывы ветра еще чередовались с прохладными, но вскоре воздух нестерпимо нагрелся и задрожал. Безоблачное небо начало затягиваться белесыми полосами, напоминавшими огромную паутину.

Страдание застыло в груди Анджум подобно камню. Она не знала, куда ей идти и что делать, у кого просить совета и ответа на свои вопросы.

Случалось, дети пропадали: их уносили шакалы, они терялись в песках. Но здесь явно было что-то другое. Судьба нанесла Анджум куда более сильный удар, чем полагали ее родители. У нее отняли ее половинку, и это произошло внезапно, загадочно и неестественно.

Побродив вокруг шатра, маленькая бедуинка подошла к верблюду, сунула ему пучок сухой травы, и пока он лизал ее ладонь влажным языком и трогал шершавыми губами, продолжала думать.

Девочка решила, что Байсан украл джинн. Вот только куда он ее унес?!

В конце концов, она вновь обратилась к отцу и увидела, как выражение лица Гамалья немного смягчилось.

— Да, — сказал он, прикоснувшись жесткой ладонью к волосам Анджум, — все верно. Ей там хорошо. Ее кормят вкусной едой, облачают в нарядные одежды, ее воспитывают и учат. Твоя сестра ни в чем не нуждается.

— Значит, она не в песке? — с облегчением произнесла девочка.

Гамаль помедлил.

— Нет.

— А почему джинн забрал Байсан, а не меня или не нас двоих?

— Потому что Аллах решил, что ты должна остаться с нами. Разве это плохо?

Анджум не нашла, что возразить. Конечно, она хотела жить с родителями! Но при этом не расставаться с Байсан.

Вечером, когда девочка заснула, Халима заговорила с мужем:

— Днем я побывала у Джан. Мы совершили страшную ошибку.

Гамаль встревожился.

— Что она тебе сказала?

— Я спросила, с чем приходила к ней та белая; пригрозила, что не уйду, пока она не ответит. Джан долго смотрела на меня, а потом промолвила, что это не важно. Главное заключается в другом: эта женщина принесет племени большое несчастье! — взволнованно произнесла Халима и добавила: — Недаром у нее были такие странные глаза, а муж следовал ее желаниям, как слепой за поводырем! А когда я упрекнула Джан в том, что она допустила такое, та ответила, что это судьба и ничего нельзя было изменить.

Мужчина попытался овладеть собой. В конце концов, любая женщина обделена умом — даже та, которую читают мудрой старухой.

— Мне кажется, Джан ошибается. Белые ушли и никогда не вернуться! И она не сказала, что они станут плохо относиться к Байсан. Они богаты, а богатые люди способны купить все что угодно. Даже счастье. Мы получили от них большие деньги. Пусть хранятся, как приданое для Анджум. Я хочу, чтобы она тоже была счастлива.

Прошло немного времени, и стало ясно, что Байсан бесследно исчезла. Арджум никому не говорила, что ее унес джинн. Когда кто-то спрашивал, куда подевалась сестра, отвечала, что не знает. История с джинном осталась ее маленькой тайной.

Она слишком рано постигла одиночество, познала чувство утраты. Иногда она неподвижно стояла на краю оазиса и словно чего-то ждала. Какого-то объяснения или знака. С ней происходило что-то странное: знакомая с детства, полная солнца и простора картина разрывала ей сердце.

Анджум вспоминала, как они с сестрой ловили шустрых ящерок с лоснящейся кожей, желтым брюшком, крапчатой спинкой и изящной вытянутой головкой. Строили дня них загоны и домики, а потом выпускали. Как с визгом убегали от извивающихся на песке змей. Как хохотали над неутомимыми шустрыми феньками с их огромными смешными ушами и терпеливо наблюдали за страшными с виду варанами.

В оазисе они возились с маленьким ягненком, придумывая для него имя и тайком повязывая ему на шею ленточки. Они всегда были вместе, испытывали одинаковые желания, и, случалось, одна говорила то, что только что хотела сказать другая.

Гамаль и Халима не вспоминали о Байсан, по крайней мере, вслух, и девочка думала, что пески способны поглотить не только мертвые тела, но и живую человеческую память. Возможно, когда-нибудь она тоже забудет то, о чем позабыли родители, но сейчас Анджум так не казалось. А еще она задавала себе вопрос: будет ли Байсан помнить о ней, тосковать и желать, чтобы они встретились?

Глава вторая

Рассвет бросал на город розоватые отблески, тогда как небо над головой было окрашено в аметистовый цвет. Первые солнечные лучи освещали черепичные крыши домов, согревали лениво дремавших у порогов собак.

Просыпались улицы, базары, кофейни; сладковатый дым смешивался с мелкой белой пылью, летевшей из пустыни. Были слышны крики птиц, рев ишаков, разговоры ранних торговцев и скрип цепей норий[2].

Город был поделен на две части: европейскую и арабскую. Как водится, французы присвоили себе все, что считали нужным присвоить: ту часть укреплений, что возвышалась над портом, все достаточно плоские с удобными подступами участки земли.

Европейцы отремонтировали форт, перестроили мол, расширили порт и произвели раздел мечетей, превратив часть из них в христианские церкви. Они оставили у себя в руках и под неусыпным оком всю гражданскую и религиозную администрацию. То было превосходство силы, а не культуры или разума.

Большинство французов не понимали и опасались арабов, истинных детей своей страны. Тех, кто не знал усталости в этом изнуряющем климате, обходился горстью фиников и несколькими глотками воды, тогда как европейцев без конца мучила жажда.

Вот и сейчас, когда майор представлял стакан, до краев наполненный чистой прохладной водой, его горло сжимали спазмы. Хотя было еще довольно рано и не слишком жарко, Фернан уже опустошил свою флягу.

Франсуаза ни о чем не просила и ни на что не жаловалась. Так бывало всегда, когда она пребывала в своем мире. В этом случае она ничего не замечала и могла вытерпеть все что угодно.

Проснувшаяся девочка обводила окружающий мир недоуменным взглядом. Ее рот изумленно приоткрылся; через несколько мгновений она заплакала, а потом принялась вырываться и истошно орать.

Ночью, когда Фернан вез Байсан в седле, она ни разу не очнулась. По-видимому, она привыкла к покачиванию «корабля пустыни», который не раз перевозил с места на место родителей, ее саму и их нехитрый скарб.

Майор заговорил с девочкой по-арабски, но это не подействовало. Оставалось поскорее добраться до дома и попытаться успокоить ее там.

Особняк, в котором жили Фернан Рандель и его жена, стоял на берегу, откуда открывался великолепный вид на бескрайние водные просторы. Дом окружали высокие, казавшиеся почти черными кипарисы, в саду цвели бугенвиллеи с ярко-пурпурными и медово-желтыми цветами, были высажены магнолии, алоэ и кустарники мирта.

Франсуаза заявила, что девочку надо вымыть, но при виде ванны с водой Байсан испуганно закричала.

— Они почти не моются водой, — сказал Фернан. — В пустыне ее слишком мало.

— Тогда чем?

Майор усмехнулся.

— Иногда — верблюжьей мочой...

— Какой ужас! Она не может оставаться такой грязной! — возмутилась Франсуаза.

— Не трогай ее. Пусть немного привыкнет.

Девочку заперли в одной из комнат. Она продолжала плакать и ничего не ела. Франсуаза начала нервничать. Чтобы как-то отвлечься, она писала на листках «Жозефина», «Мадлена», «Клотильда». Она выбирала имя, французское имя для арабской девочки, которую собиралась удочерить.

Около полудня плач прекратился. Осторожно заглянув в комнату, Фернан увидел, что маленькая дикарка спит, свернувшись клубочком в углу. Он подумал, что, пожалуй, легче было бы приручить какого-нибудь звереныша.

Франсуаза ушла к себе, и ее не было слышно. Наступило время короткой передышки.

Вернувшись в зал, майор опустился в кресло и закрыл лицо руками — то был привычный, отгораживающий от действительности жест.

Он не двигался и, казалось, не дышал. Он вспоминал свою жизнь.

Когда Фернан Рандель приехал в эту страну, он не то чтобы питал какие-то особые надежды или его обуревали необыкновенные мечты, однако его душе было свойственно все, что бывает свойственно ей в пору ранней молодости.

Во Франции для него не существовало будущего, потому что он был сиротой и воспитывался в приюте за счет императорской казны. Помыкавшись пару лет, он записался в армию и был отправлен в Северную Африку.

Военная служба на негостеприимной чужбине сулила хотя бы жалованье, обмундирование, питание и какие-то смутные перспективы.

Несмотря ни на что, Фернан не испытывал страха перед будущим. Он спокойно относился к лишениям и трудностям и знал, что в этой жизни можно полагаться только на собственные силы.

Вопреки ожиданиям, город, где стоял его полк, поразил молодого человека своей красотой. Площади украшали изящные пальмы, чьи похуже на изумрудные веера листья трепетали на жарком ветру. Сверкающие белизной ряды домов спускались с горы до самого моря, подобно застывшему пенному потоку.

Арабские кварталы были узкими, темными, замкнутыми глухими каменными стенами. Хижины — с низкими дверями, порой без окон, лишь кое-где — с решетчатыми балконами и крохотными садиками с парой виноградных лоз и засыхающими смоковницами.

Предоставленное Фернану жилье оказалось не лучше. Узкая ветхая лестница без перил вела в крохотную комнату, пол которой всегда покрывал песок, сколько его ни выметай, а дверной проем был завешен старой попоной. Здесь не стояло другой мебели, кроме двух брезентовых кроватей (Фернана и его соседа), где подушки заменяли набитые ячменем торбы, и ящичков, один из которых служил столом, а второй — стулом.

Сослуживец пришел в ужас, тогда как воспитанный в нищем приюте Фернан не имел ничего против того, чтобы поселиться в такой обстановке. По крайней мере, здесь у него имелся только один сосед.

Вскоре они с Жозефом стали приятелями и по утрам вместе собирались на учения, невзирая на жару, проходившие каждый день от зари дотемна. Кавалерия тренировалась на ипподроме — большой утрамбованной площадке, окаймленной оливами и зарослями алоэ; цепи стрелков выстраивались неподалеку, на опушке. Начищенное до блеска оружие ярко сверкало на солнце.

Фернан отдавался службе со всем рвением, и вскоре ему повезло: он отличился в сватке с арабами. Через год, совершив еще несколько подвигов, они с Жозефом получили младшее офицерское звание, чем были вполне довольны.

Приятель Фернана мастерски играл в карты и однажды выиграл в офицерской кофейне два билета на вечер, куда допускались только высшие чины и их семьи.

Фернан пребывал в замешательстве, тогда как Жозеф твердо решил пойти и убеждал друга отправиться с ним. Он был уверен, что в толчее едва ли кто-то обратит на них внимание.

Молодые люди почистили сапоги и мундиры и, нацепив на лица маску уверенности, двинулись к внушительному зданию с великолепными фасадом и красивым двором, украшенным мраморными колоннами и вымощенным глазурованными плитами.

Зал был огромен. Хрустальные люстры, канделябры и восточные фонарики бросали снопы света на живописные группы военных и штатских, на пышные туалеты и украшенные перьями и цветами прически дам.

Преодолевший робость и затерявшийся в толпе Фернан наслаждался изысканными закусками и настоящим французским шампанским, как вдруг заметил, что на него, не отрываясь, смотрит девушка, красивее которой он еще никогда не встречал. Ее глаза под изящным разлетом бровей были темными и блестящими, как два отполированных камня, а совершенной формы лицо и длинная стройная шея поражали алебастровой белизной. Густые черные волосы были зачесаны кверху, и в них, подобно созвездию на ночном небе, сверкала диадема.

Женщин в зале было вполровину меньше, чем мужчин, за внимание каждой приходилось бороться, и сначала Фернан подумал, что ему чудится этот пристальный взгляд незнакомки, но потом он убедился, что ее глаза преследуют его, куда бы он ни пытался скрыться.

Залпом выпив еще один бокал искрящегося вина, молодой человек бросился в оранжевую. Сердце гулко стучало, а по телу разливался жар. Фернан опустился на скамейку среди глициний, филодендронов и камелий, но почти сразу вскочил, потому что на дорожке появилась *она*.

На губах незнакомки играла дразнящая улыбка, но в глазах сохранялась странная неподвижность. В ее внешности сочеталось что-то жгучее с чем-то холодным. Она была полна смелости, дерзости и тайны, она опровергала все его представления о женщинах.

— Вы напрасно сбежали. От меня невозможно убежать!

Фернан покраснел.

— Я вовсе не пытался...

— Не лгите. Я вижу вас насквозь. Впрочем, как и всех остальных, — перебила она. Склонив голову набок, прислушалась к льющейся из зала музыке, а потом непринужденно сообщила: — Сейчас начнутся танцы. Почему бы вам меня не пригласить?

Возможно, это было громадным упущением, но Фернан не умел танцевать, в чем ему пришлось признаться.

— Ничего, — сказала незнакомка, — сейчас я вам покажу, и вы быстро научитесь.

Он обнял ее затянутую в корсет талию онемевшей рукой. Его ноги ступали тяжело, будто сапоги были наполнены песком. Он понимал, что это задание — едва ли не самое ответственное в его жизни.

Впоследствии Фернан не мог вспомнить, какое платье было на незнакомке, но запах ее духов окутал его волшебным облаком; он отличил бы его среди многих других даже спустя несколько недель.

Потом он танцевал с ней в зале, не видя никого и ничего вокруг, пока у него не закружилась голова, а одежда не прилипла к спине. Когда они наконец остановились, девушка спросила, как его имя, и Фернан назвал себя. А ее звали Франсуаза. Франсуаза Малуа.

Лавина чувств накрыла Фернана с головой. Он очнулся только тогда, когда на обратном пути Жозеф сказал ему:

— Ты влип.

— Почему?

— Ты знаешь, кто та девушка, с которой ты танцевал почти весь вечер?

— Догадываюсь.

— Дочь командира нашего полка. Его единственная дочь!

— Ну и что? — пытался защититься Фернан. — Она сама ко мне подошла.

— Ее папаша не станет разбираться в этом. Главное, ты не должен был там находиться и тем более проявлять невероятную наглость: танцевать с дочерью высшего начальства!

— А как реагировал ее отец? Не может быть, чтобы он нас не видел!

Жозеф озадаченно почесал голову.

— Никак. Стоял с отстраненным видом, будто это его не касается.

Через несколько дней Фернан получил приказ явиться к начальству. Молодой человек ожидал, что его разжалуют и сошлют в какую-нибудь захолустную крепость, хотя далеко не до

конца понимал свою вину; он был готов к ругани и угрозам, но вместо этого полковник Жан Малуа довольно вежливо, хотя и холодно произнес:

— Присаживайтесь, лейтенант.

Когда Фернан нерешительно опустился на стул, отец Франсуазы продолжил:

— Вчера я вас видел в собрании, где вы не имели права находиться, поскольку туда допускались только высшие офицеры. Как вы получили приглашение?

У Фернана пересохло во рту, и тем не менее он сумел произнести:

— Мой сослуживец, имени которого я не могу назвать, выиграл билеты в карты.

Жан Малуа иронично усмехнулся.

— Похвально! — А после добавил: — И вы принялись ухаживать за моей дочерью.

— Я ни за что бы не осмелился, но...

— Знаю, — неожиданно мягко перебил полковник и продолжил: — Я изучил ваш послужной список и справился о вашем прошлом. — Он сделал паузу. — И... я приглашаю вас завтра к себе домой на чай.

Молодой человек изумился. Или он чего-то не понимал, или реальность рушилась на глазах! Разумеется, он согласился.

Жозеф тоже не мог ничего сказать. Оба дружно ломали голову над тем, что бы это значило, но на ум ничего не приходило. В какие-то моменты Фернану казалось, что эта ситуация является всего лишь порождением его фантазии.

Он явился в дом полковника настороженный и натянутый. Оказалось, Жан Малуа — вдовец, и Франсуаза исполняла обязанности хозяйки. Скромно причесанная, в обычном платье, без украшений, она была так же прекрасна, как и на приеме, и столь же загадочна.

Когда после чая они с Фернаном вышли в сад, девушка спросила:

— Почему ты меня не поцелуешь?

Фернан был поражен до глубины души.

— Я... не могу!

Она внимательно смотрела на него своими непроницаемыми глазами. Франсуаза утверждала, что души людей прозрачны, словно стекло. Но ее собственная душа казалась Фернану закрытой и темной.

— Почему?

— Ваш отец...

— Ты приглашен по моей просьбе. Потому что так захотела я. А сейчас я желаю, чтобы ты меня поцеловал. Ты хочешь этого?

Франсуаза пугала Фернана своей непредсказуемостью; все это напоминало стояние на краю пропасти, которая и пугает, и манит. Было бы лучше, если б он ответил «нет». Но он сказал «да». И похоже, у него не было выбора.

В тот миг, когда сомкнулись их губы, соединились и судьбы, хотя тогда Фернан еще не догадывался об этом.

Он побывал в особняке полковника еще несколько раз; к тому же сопровождал Франсуазу на прогулках. Ее отец очень ценил арабских скакунов, и девушка отлично ездила верхом. При этом она пренебрегала дамским седлом и ездила в мужском, «задрав подол», что считалось крайне неприличным. Но было заметно, что ей было наплевать на приличия. Она с легкостью брала любые препятствия, она считала возможным соревноваться с мужчинами, не боялась выказать самоуверенность и азарт.

Однажды лошадь Франсуазы понесла, и Фернан, которого в то время еще нельзя было назвать опытным наездником, без колебаний пустил своего коня следом за нею.

Молодому человеку удалось остановить лошадь девушки, и он с удивлением увидел, что Франсуаза несколько не испугалась. Подоспевший полковник Малуа с волнением спрашивал дочь, все ли в порядке, а она лишь загадочно усмехалась. Впоследствии Фернан говорил себе:

вполне вероятно, Франсуаза подстроила все это, чтобы показать своему отцу, что ее поклонник готов рискнуть ради нее своей безопасностью, а, возможно, и жизнью.

Эти странные отношения продолжались несколько недель, а потом полковник Малуа позвал Фернана в кабинет и сказал:

— Моя дочь хочет выйти за вас замуж.

Молодой человек онемел. Он не имел состояния, он вырос сиротой, он был никем. Его единственным достоинством была привлекательная внешность, но он никогда не задумывался об этом, как и о том, что сможет поправить свои дела с помощью выгодного брака.

— Это невозможно! — через силу выдавил он.

— Почему? Ведь вы одиноки.

— У меня... ничего нет!

— Это неважно, — заметил полковник. — Деньги никогда не имели решающего значения в этой жизни, хотя все считают иначе. Франсуаза нравится вам?

— Конечно! — прошептал он.

— Тогда сделайте ей предложение. Она согласится. И я — тоже, — сказал Малуа и, видя, что Фернан продолжает пребывать в полном смятении, добавил: — Когда-то я поклялся думать только о счастье своей дочери и жить ради этого. Потому я решил выдать ее замуж за того, кого она выберет.

Узнав о сногшибательной новости, приятель Фернана, Жозеф, засыпал его вопросами:

— Как тебе удалось? Ты соблазнил ее? Заморочил ей голову?

— Я ничего не делал, — задумчиво произнес Фернан.

В самом деле, инициатива полностью исходила от Франсуазы. Это было и приятно, и неприятно, и настораживало, и влекло. Молодой человек успокаивал себя, повторяя, что, вероятно, такой и бывает любовь с первого взгляда.

Итак, он сделался официальным женихом Франсуазы Малуа, что, разумеется, вызвало разнообразные слухи и толки. Свадьба должна была состояться через месяц. Всякий раз, когда Фернан приходил в дом полковника, они с Франсуазой жарко целовались в беседке. То, как бесстыдно девушка прижималась к нему, подсказывало молодому человеку, что она готова на большее, но он ни за что не решился бы тронуть ее до брачной ночи.

Накануне венчания Фернан Рандель получил повышение. Он считал, что не заслужил его, и ему было неловко. Свадьба показалась ему чужим, не относящимся к нему действием; ловя любопытные взгляды, он ощущал себя не в своей тарелке. Ему завидовали, но, возможно, над ним и смеялись: ведь все было устроено на деньги его тестя, и Фернана вели к алтарю, словно бычка на веревочке.

Его сомнения испугало только одно: в отделанном каскадами кружев белом платье и легкой, как дымка, фате, атласных туфлях с высокими каблуками и сверкающих украшениях Франсуаза казалась ему самой прелестной невестой на свете.

Свадьба была веселой, но Фернан заметил, что полковник Малуа не веселился. Он пристально наблюдал за своей дочерью, словно боясь, как бы она что-нибудь не выкинула. В его взгляде затаилась невысказанная боль, а в лице угадывалась тень разочарования в жизни.

Наступила долгожданная брачная ночь. Фернан удивился тому, что Франсуаза не девственница, но не стал задавать никаких вопросов. Она отдалась ему с безудержной страстью, и он был доволен. Это вполне соответствовало желанию молодого пылкого мужчины.

На облике Франсуазы с самого начала лежал оттенок порочности, но в ту пору Фернан был неопытным и наивным, потому ничего не заметил. Он видел только ее красоту.

Прошло несколько недель, и он стал кое-что замечать. Франсуаза не знала слова «нет». Сначала Фернан приписал это крайней избалованности своей жены, но потом понял, что дело в чем-то другом.

У нее случались периоды уныния и злобы. Будучи не в настроении, она могла захлопнуть дверь спальни у него перед носом, и Фернану приходилось ночевать в другой комнате. И главное — он совершенно не чувствовал, что Франсуаза его любит. Казалось, она вообще неспособна на это.

В ней дремал дикий зверь. Она могла сказать кому угодно и что угодно. Она была способна оскорбить и даже ударить. Если что-то делалось не по ее воле, она швырялась вещами. Она скакала верхом, как сумасшедшая. Она не ведала опасности.

Полковник Малуа как-то умудрялся справляться с Франсуазой, хотя больше всех доставалось именно ему. А потом он был ранен в стычке с арабами, и ранение оказалось смертельным. Понимая, что ему недолго осталось, отец Франсуазы позвал к себе Фернана и открыл ему правду:

— Моя супруга покончила с собой, когда Франсуаза была еще маленькой. Это нанесло ей непоправимую травму. — Он сделал долгую паузу, а потом сказал: — Мне всегда было с ней тяжело. Иногда мне казалось, что моя дочь не вполне нормальна. Я рад, что теперь рядом с Франсуазой есть человек, которому я могу вручить ее судьбу.

Фернан похолодел. Его просто использовали, сделали жертвой.

— Я знаю, о чем вы думаете, — продолжил полковник Малуа, — однако все же не оставляйте ее! Иначе она пропадет. Это просьба умирающего. Я сразу угадал в вас врожденное благородство и верность долгу. Ведь вы женились на Франсуазе не только из-за денег? Я искренен с вами, я расскажу вам все. Я знаю: моя дочь не была невинной, когда выходила за вас. Больше того — в шестнадцать лет Франсуаза забеременела. Ребенок родился мертвым: это стало очередной трагедией в ее жизни. Отныне ей не суждено иметь детей: так сказали врачи. Я понимаю, что это плохо для вас, но... дети не всегда приносят счастье. Вы, — полковник смотрел Фернану в глаза, — сделаете карьеру: у меня есть связи в высших военных кругах, и я обо всем договорился. И... вы не будете нуждаться, потому что мое состояние весьма велико.

— А тот... мужчина не захотел жениться на Франсуазе?

— Дело не в этом... — уклончиво произнес Малуа.

Он не стал продолжать, и Фернан решил, что не хочет ничего знать. Услышанного было вполне достаточно. Он дал обещание отцу Франсуазы. Его клятва не была безоглядной. Он просто не мог поступить иначе.

Фернан вырос сиротой, и ему было хорошо известно, что значит ощущать себя покинутым, брошенным, особенно если ты беспомощен и нуждаешься в заботе.

В последующие годы Фернан Рандель много думал о последней капле и о необходимости нести свой крест. Его внутренние силы были подорваны, но он по-прежнему держался.

Он дослужился до майора, он пользовался уважением местного общества, он жил в просторном доме своего покойного тестя. Сейчас его ждало очередное повышение: он был назначен в штаб армии, и ему предстояло переехать в столицу колонии. Он мог отправиться туда с женой и... дочерью.

Фернан Рандель хорошо знал, чего стоит разыграть правильную карту, потому что, образно выражаясь, Франсуаза всю жизнь безжалостно перетасовывала ему колоду. Майору хотелось верить, что у него остается последняя надежда как-то исправить свою судьбу.

Глава третья

На следующий день, возвращаясь домой со службы, Фернан думал о гувернантке. Было бы неплохо выписать ее из Франции. В колонии белые служанки были наперечет.

Придерживая поводья коня, он пытался сочинить текст объявления, которое следовало отправить за океан, вместе с тем все больше понимая, что от всей этой идеи пахнет абсурдом. Однако в глазах Франсуазы любая сумасбродная затея казалась вполне осуществимой, и ее муж ничего не мог с этим поделать.

Его путь пролегал вдоль берега, где не чувствовалось раскаленного воздуха пустыни и не мешала тонкая жгучая пыль. По обеим сторонам дороги тянулись заросли кустарников, чьи листья были пропитаны морской солью. Горный массив на горизонте поднимался, словно гигантская стена. Внизу распростерлись зеленые долины, покрытые опунциями и маслинами.

Проехав мимо полного величавого спокойствия арабского кладбища, Фернан очутился в квартале прекрасных зданий, в архитектуре которых европейская изысканность сочеталась с оригинальностью Востока. Здесь стоял и его дом, точнее, бывший дом его тестя.

Внутри было тихо. Из-за особенностей характера Франсуазы все слуги были приходящими.

Войдя в зал, Фернан вздрогнул. Жена стояла перед ним, величественная и прекрасная. Ей было за тридцать, но ее тело сохранило свои чарующие изгибы, а лицо и взгляд завораживали. Не знающие правды о натуре Франсуазы, мужчины безоглядно влюблялись в нее, и Фернан мог назвать, по крайней мере, троих, с кем она ему изменила.

— Как девочка? Вроде не плачет?

— Она спит.

— Ты заходила к ней?

— Да. Она ничего не ела, но я дала ей попить.

— Она испугалась тебя?

— Она боится всего.

Франсуаза выглядела спокойной, но Фернан слишком хорошо знал ее, чтобы не заподозрить что-то неладное. За эти годы он обрел на редкость обостренное чутье в том, что касалось поведения жены, потому как все, что таилось в ее душе, было неуловимо и коварно.

Майор быстро вошел в комнату. Девочка по-прежнему лежала в углу. Ее рот был приоткрыт, она тяжело дышала, а ее тело пылало жаром.

— Что ты с ней сделала?!

— Ничего.

— Но она вся горит, и мне кажется, что она без сознания!

— Надо позвать доктора Жувене.

Этому врачу они полностью доверяли и могли сказать ему правду.

Фернан подхватил Байсан на руки. Ее дыхание было прерывистым и жарким. Он перенес ее в зал и осторожно уложил на обитый узорной парчой диван. Потом посмотрел на жену.

Он научился уживаться с невообразимым, терпеть невозможное, нести невыносимый груз. Для того чтобы все это стало частью его жизни, потребовалась... почти целая жизнь, но сейчас Фернан ощущал нечто, находящееся за гранью.

— Не приближайся к ней. Ничего не делай. Я иду за врачом.

Доктор Жувене явился быстро. Он сразу определил, что у девочки тяжелая лихорадка, и назначил лечение.

— С чего бы это? — с тревогой спросил Фернан.

— Причиной могло послужить что угодно, — уклончиво произнес врач. — Перемена обстановки, нервное потрясение, возможно, какая-то инфекция.

— Она поправится?

— В данном случае все в руках Господа Бога. Главное, суметь дать ей лекарства.

Отослав жену, майор сидел возле постели Байсан, время от времени смачивая ей губы, как велел доктор. Фернан не молился. Он давно понял, что молитвы бесполезны. Он просто ждал. В его взоре были терпение и усталость.

Девочка долго металась и бормотала какие-то слова на своем языке, слова, какие майор не смог разобрать. Он с трудом влил ей в рот лекарство, не будучи уверенным в том, что оно чем-то поможет.

Жестокая лихорадка продолжалась несколько дней, но наконец жар спал, и Байсан пришла в себя. Ее черные глаза казались бездонными, в них затаились безмерное удивление и искра испуга.

— Где я? — прошептала она.

Фернан не знал, что ответить, но что-то заставило его сказать:

— Ты дома.

Она смотрела на него внимательно и непонимающе.

— Ты помнишь, как тебя зовут? — осторожно спросил майор.

Девочка на мгновение задумалась, потом покачала головой.

— Ты знаешь, откуда ты?

— Нет.

— Ты живешь с нами, — поспешно произнес Фернан, и она не возразила.

Через неделю девочка смогла встать с постели. Она выглядела вполне здоровой, к ней вернулся аппетит. Она чуждалась незнакомой обстановки, однако не помнила ничего из своей прошлой жизни.

— Видишь, как удачно все получилось! — сказала майору жена. — А ты паниковал.

Фернан только вздохнул. В этом была вся Франсуаза: она никогда ни в чем не сомневалась и не раскаивалась в своих поступках. Она видела только одну сторону медали: они подарят девочке нормальное детство, избавят ее от участи дикарки, живущей в раскаленной голой пустыне.

Доктор Жувене подтвердил: девочка потеряла память. Вероятно, то были последствия лихорадки.

— Такие случаи довольно редки, хотя и описаны в медицине. Думаю, у нее было воспаление мозга. Чудо, что она выжила, — заметил он, и майор спросил:

— Память может вернуться?

— Конечно. И полностью, и частично, — ответил Жувене и добавил: — Советую вам как можно скорее заменить правду выдумкой. Детский разум и сердце впитывают все, как губка; даже если впоследствии девочка что-то вспомнит, ей будет казаться, что это пригрезилось ей или приснилось.

Байсан сохраняла пугливую настороженность, но вместе с тем покорно следовала воле своих попечителей. Они наконец сумели ее искупать и переодеть в европейское платье, которое ей еще предстояло научиться носить. Маленькая арабка оказалась изумительно красивым ребенком с чистой кожей и яркими глазами.

А вот волосы пришлось остричь: они настолько спутались, что их было невозможно расплести. Что касается имени, после долгих раздумий Франсуаза заявила:

— Я назову ее Жаклин. Никто и никогда не заподозрит, что девочка, носящая такое имя, не француженка, а арабка!

Майор не стал возражать, хотя, на его взгляд, это имя совершенно не подходило бедуйке. Его волновало другое. Он думал о том, как сделать существование этого ребенка более-менее сносным.

Фернан говорил с девочкой на ее родном языке, а Франсуаза была лишена такой возможности. Однако майор не сомневался в том, что рано или поздно Жаклин, как они теперь ее называли, выучит французский.

При этом все чаще ему становилось не по себе при виде ребенка, у которого отняли настоящих родителей, имя, память, а также собирались отнять и веру. Майора преследовало раскаяние, и он говорил себе, что ему никогда и ничем не удастся искупить свою вину.

По большей части девочка вела себя робко и тихо, сидела в углу на корточках, как привыкла сидеть в своем шатре. Она многое делала неосознанно: неподвижно смотрела вдаль, как глядят бедуины, приходила в волнение при виде чашки с водой, даже если не хотела пить.

Что касается Франсуазы, с некоторых пор ее беспокоила другая проблема: увидев на улице арабку с девочкой возраста Жаклин, она впадала в панику. Женщине казалось, что мать увезенного ею и ее мужем ребенка может попытаться отыскать свою дочь.

Она изводила мужа вопросами, когда они уедут из этого города, и Фернан сделал все, чтобы ускорить свой перевод.

Накануне отъезда в доме майора состоялся прощальный прием для сослуживцев и друзей. На нем присутствовал человек, которому предстояло сменить Фернана Ранделя на его служебном посту и принять его дела.

Его звали Поль Мартен, он тоже носил чин майора, приехал в город всего неделю назад, ничего не знал о Франсуазе и был очарован ею. Обжигающая красота этой женщины походила на вытасченное из ножен смертельное оружие. Разумеется, Мартен не рискнул бы ухаживать за ней под носом у мужа, но она сама подтолкнула его к этому.

Специально нанятый повар приготовил арабские блюда: кускус, барашка на вертеле и слоеные медовые пирожки. Насладившись яствами, Франсуаза предложила Мартену выйти в сад, где он еще не был и где недавно политая земля, словно некая утроба, источала влажный жар.

— Как вы относитесь к арабам, майор? — как бы между прочим спросила хозяйка дома после каких-то незначительных фраз.

Не зная, какого ответа от него ждут, Мартен ограничился тем, что пожал плечами, а после заметил:

— Но кухня у них отменная!

— Будь моя воля, я загнала бы их всех как можно дальше в пустыню, — отрывисто произнесла Франсуаза. — Это непокорный и темный народ. Позволить им жить там, где живем мы, все равно что поселить диких зверей по соседству с домашними.

— Насколько я понимаю, арабам требуется просвещение, — уклончиво произнес Поль. Франсуаза презрительно усмехнулась.

— Мой муж тоже так считает. На самом деле то, что творится в их головах, способен уничтожить только сабельный удар.

Такие речи удивляли Поля Мартена лишь потому, что они исходили из уст женщины. Впрочем, эта женщина была необычной, полной контрастов, начиная от темных глаз, черных волос и ослепительно-белой кожи и заканчивая сочетанием чарующей женственности с почти мужской силой воли.

Большинство колонистов спокойно воспринимали то, что в Париже офицеры блистают мундирами в театральных ложах, целуют дамам ручки в салонах, интересуются модной поэзией. Проявляют крайнюю щепетильность в вопросах чести и являются воплощением благородства, тогда как здесь, в этой южной стране, нападают на мирные поселения, жгут дома и с крайней жестокостью, если не сказать зверством, убивают местных жителей.

«Нас послали на войну, а на войне мы ведем себя, как на войне», — объясняли они.

— Мне кое-что нужно от вас, — сказала Франсуаза, пристально глядя на Поля. — И не просто так, а за вознаграждение, которое, я надеюсь, вас не разочарует. Давайте пройдем в беседку.

Ее просьба ошеломила Мартена: уничтожить обитателей небольшого бедного оазиса под названием Туат, находившегося в нескольких часах езды от города. А в награду она предлагала... себя.

— Зачем вам это? — растерянно произнес майор, лицо которого пылало.

Он ощущал себя юнцом, которому впервые представилась возможность испытать женскую ласку. Чувства Фернана Ранделя его не заботили. Он сразу угадал в нем подкаблучника. Мартен презирал таких мужчин. Но ему хотелось знать причину столь жестоких устремлений Франсуазы.

— Там живут люди, которых я вынуждена опасаться. Не пытайтесь вывести большего, просто исполните мое желание. Одним нищим оазисом больше, одним меньше — какая разница! Тем более для вас.

— Ваш муж тоже мог бы отдать такой приказ.

— Он не станет этого делать, — сказала Франсуаза, пронзая собеседника взглядом, и с очаровательной улыбкой добавила: — Я заплачу вам вперед, прямо сейчас. А мою просьбу вы выполните потом. Вы офицер, и мне будет достаточно вашего слова.

Она запустила пальцы в волосы Поля и принялась ласкать его затылок, тогда как ее немигающие глаза и сочные, как созревший плод, губы делали все ближе и ближе.

К своему удивлению, Мартен чего-то боялся, но не мог понять, чего. Эта женщина была поразительно уверенной в себе, в собственных чарах и невероятно опытной в достижении своих целей. Она казалась воплощенным соблазном и воплощенной опасностью. Не позволяла перевести дух или сделать шаг назад. Не давала задуматься о размерах деяния, за которое платила своим телом.

А Франсуаза решила, что никогда не расскажет мужу о том, что она сделала с девочкой. Ребенок плакал, не переставая, и это действовало женщине на нервы. В очередной раз войдя в комнату, она закричала: «Замолчи же наконец!» Но плач только усилился, перейдя в дикие всхлипывания.

Тогда Франсуаза подскочила к девочке и отвесила ей пощечину, а после несколько раз пнула ногой. Маленькая арабка вскрикнула и потеряла сознание, а вскоре у нее начался жар.

Вспоминая об этом, женщина не испытывала раскаяния. Она считала, что все сошло на редкость удачно.

Анджум сделала несколько шагов по направлению к шатру старухи Джан, но потом остановилась в нерешительности. Она все еще на что-то надеялась, хотя надежда была столь же призрачна, как мираж в пустыне.

— Никогда не стой возле входа, а всегда входи, не имей привычки оглаживаться, а двигайся только вперед, — слышался голос, и старуха выглянула наружу.

На ней была посеревшая от пыли и песка длинная рубаха с разрезами по бокам, сандалии из ссохшейся сыромятной кожи и оловянные браслеты. Коричневое морщинистое лицо украшали голубые звезды, а в носу болталось кольцо.

Анджум не стала убегать, а подошла ближе.

— Говори, — сказала Джан.

— Отец считает, что ты обращаешься к духам, которые существовали, когда не было даже пустыни, но мне кажется, пустыня была всегда, — наивно и смело произнесла девочка.

— Да, — серьезно подтвердила старуха, — пустыня была всегда. Только белые считают ее долиной смерти, а для нас — это страна жизни, видимой и невидимой. Духи — это невидимая жизнь, точнее, видимая немногим. Она существует, как существуют не только земные, но и небесные сокровища.

— Ты умеешь разговаривать с джиннами?

— Я могу обратиться к ним, но я не в силах заставить их отвечать. У тебя есть какой-то вопрос?

— Я хочу узнать про Байсан!

— Входи, — сказала Джан, и девочка очутилась в ее шатре.

Она удивилась тому, что здесь нет никаких колдовских предметов, вообще ничего необычного и особенного. Вероятно, даром мудрые люди говорили, что ключ к раскрытию всех тайн — именно простота.

Анджум присела на корточки. У нее был серьезный взгляд и не по-детски скорбно сомкнутые губы.

— Твой отец прав, — заметила Джан, выслушав девочку. — Байсан очутилась в ином, недоступном для нас мире.

— Ей там хорошо?

Старуха достала из-под лежавших в углу тряпок круглое зеркало. По местным меркам это была драгоценная, а в данном случае, как подозревала Анджум, еще и волшебная вещь.

— Посмотри в него.

Девочка с любопытством уставилась на себя: смуглое лицо, заплетенные в косички волосы, выразительные и одновременно строгие глаза.

— Могла ли ты раньше сказать, что видишь там не только себя, но и Байсан?

— Да.

— Так вот: теперь перед тобой только ты.

— А моя сестра?

— Она смотрится в другое зеркало и тоже видит лишь саму себя.

Анджум не то чтобы поняла, а почувствовала, что хотела сказать Джан: сестра изменилась, или с ней что-то сделали. Девочка уже знала: нельзя протянуть руку в сон и выхватить оттуда то, что тебе нужно, как невозможно взять ничего в потусторонний мир из мира вещей.

— Мы с Байсан никогда не встретимся?

— Кто знает! — уклончиво ответила старуха.

Только она имела смелость не говорить «все руках Аллаха»: наверное, потому что знавала другие силы.

Заметив, что Анджум продолжает пытливо смотреть на нее, старуха добавила:

— Я могу сказать тебе только одно: никогда не задавай ни себе, ни другим слишком много вопросов. Самой в себе разобраться трудно, а мнение окружающих собьет тебя с толку. Просто прислушайся к тому, что говорит твое сердце. Это и есть то, что вложил в тебя Аллах, такова его воля и таков предначертанный тебе путь. Если ты нестерпимо захочешь чего-то — делай! И ни о чем не жалеешь. Теперь иди. Впереди у тебя еще целая жизнь.

Девочка не заметила, как прошел день, похожий на сотню других дней, но также чем-то неуволнимо иной, а ночью лежала в шатре, и пустыня окружала ее, как огромный черный океан. Такими же темными и бездонными были и мысли Анджум.

В ту ночь она впервые задумалась о том, что такое смерть. Это не полужансенный песком скелет павшего верблюда, не зловещее парение стервятников в небесах, не пустота огромных безводных пространств, не безмолвие бесконечного ночного неба, а что-то другое, куда более страшное и непонятное.

И все-таки ей хотелось верить в то, что жизнь побеждает небытие, пусть даже первая временна, а второе — бесконечно.

Анджум показалось, будто она только-только заснула, но вот мать уже трясла ее за плечо. В движениях Халимы было что-то непривычное, лихорадочное, испуганное. Девочка села и потерла кулачками глаза.

— Вставай, поднимайся! Случилась беда! — воскликнула мать.

В оазисе царил паника. Все бегали, сустились, звали друг друга. Оказывается, к шейху только что примчал караульный верхом на верблюде и сообщил, что сперва заметил вдали легкое песчаное облачко, а потом на горизонте возникли черные точки. Это были всадники, чьи кони поднимали копытами тонкую пыль.

Все шейхи выставляли в пустыне охрану, дабы в случае опасности успеть собраться и покинуть оазис. Иногда, если врагов оказывалось немного, они вступали в схватку, но чаще спасались бегством: мало какие племена владели европейским оружием, а копья и сабли были бесполезны против пуль.

«Если несчастье должно прийти, оно все равно придет, от судьбы не откупишься», — подумала Халима, вспомнив предсказание Джан.

Гамаль не велел жене собирать вещи. Верблюду предстояло везти их самих. Мужчина принес лишь два связанных вместе, похожих на черные пузыри бурдюка с водой.

Бедуины не брали с собой и мелкий скот, потому что с овцами и козами бегство на большие расстояния невозможно.

— Спасайтесь, спасайтесь! — кричал шейх, не надеясь защитить своих людей.

Белые могли ездить на верблюдах только шагом, если вообще умели держаться на них верхом, тогда как бедуинам ничего не стоило послать животных вскачь, что и сделал Гамаль, увидев, как песок вдали подскакивает и вихрится под копытами чужих лошадей. Мужчина не задавал себе вопроса, что нужно французам, между тем, хотя их набеги и были жестоки, они редко совершали их без причины.

Возможно, то было проявление трусости, но Гамаль не видел и не знал, что стало с соплеменниками. Он инстинктивно рванул туда, где высились барханы, надеясь укрыться за ними. У него была одна жена и осталась единственная дочь, и он смертельно боялся их потерять.

Халима крепко прижала Анджум к себе, буквально вцепившись в нее. Их подбрасывало и трясло, сердце бешено колотилось, в висках стучала кровь.

Они не слышали криков европейцев и визга их пуль. У Гамали был немолодой, зато опытный и послушный верблюд. Повинуясь воле хозяина, он долго петлял меж барханов, а потом остановился. Погони не было. Поднявшееся над горизонтом солнце золотило строгие линии вздыбленных ветром и словно застывших песков; от чахлого саксаула протянулись тонкие, как паутинки, тени.

— Подождем и поедем назад? — спросил мужчина жену.

Она не успела ответить, как неожиданно послышался тонкий, но уверенный голос Анджум:

— Джан сказала, не надо оглядываться, нужно двигаться дальше.

— Позади нас ждет смерть! — подхватила Халима.

— А впереди? Мы не знаем, далеко ли до воды. В сутках езды есть оазис Эль-Голеа, но он в другой стороне. А что там, — Гамаль показал вперед, — мне неизвестно.

Жена и дочь напряженно молчали, и мужчина со вздохом подстегнул верблюда, принуждая его продолжать прерванный путь.

У них было два бурдюка воды — и много, и мало: смотря по тому, сколько времени придется ехать. Они не взяли с собой ни единой кошмы, и им предстояло ночевать на песке, под открытым небом. Им было нечем развести огонь, а, значит, стоило опасаться диких зверей. Правда, деньги, данные Фернаном Ранделем, оставались при них: Гамаль хранил мешочек на своем теле. Только чем им сейчас могли помочь деньги?!

А еще путников подстерегал главный враг: изнурительная дневная жара, огненный сухой ветер, убивающий всякую жизнь. Арабская пословица гласила: «В пустыне ветер встает и ложится вместе с солнцем». На бескрайних просторах он обладал огромной силой. Случалось, ветер заметал песком целые караваны.

Прошло несколько часов. Яркий свет слепил глаза. Язык во рту распух и сделался шершавым. Кожа стала сухой и обтягивала лицо, будто маска. Анджум ныла, прося воды, и отец давал ей, но понемногу. Кто знает, сколько времени им придется идти, а к концу третьих суток пути надо напоить и верблюда, иначе он падет.

Близился вечер. Анджум мерно покачивалась на верблюжьей спине. Она не спала, все видела, но ничего не чувствовала. В голове было пусто. Когда путешествуешь по пустыне, мысли замирают, сознание впадает в забытие.

Вершина гряды, как гребень застывшей волны, потом спуск и снова гряда. Песок и небо, зной в каждом луче солнца и порыве ветра.

Наступила ночь. Гамаль вырыл канавку от скорпионов с помощью найденной коряги, вырыл, зная, что вскоре ее снова засыплет песком.

Анджум свернулась клубочком возле лохматого верблюжьего бока. Родители думали, что она спит, но она не спала и слышала их разговор.

— Почему я не догадалась прихватить с собой немного еды! — со вздохом промолвила мать.

— Нам было не до этого. Если мы промедлили хотя бы миг, угодили бы под пули.

— Что было нужно белым? Почему они напали на наш оазис? Наше племя такое бедное! Что у нас можно взять?

— Кто знает! Один человек всегда найдет, что отнять у другого.

— А где деньги? Ты взял их с собой? — спросила Халима.

— Вот они. Теперь я думаю: если это все, что осталось нам от Байсан, то мне они не нужны. Полагаю, надо зарыть их в песок. Пусть это будет платой.

— За что и кому? Пустыне? Аллаху? Судьбе?

— Не знаю. Просто я чувствую, если мы избавимся от них, у нас появится надежда на то, что мы выживем.

— Никогда не прощу себя за то, что согласилась на это! — в отчаянии прошептала мать, а отец ответил:

— Все на свете имеет две стороны. Если мы погибнем в пустыне, тогда можно считать, мы спасли жизнь Байсан.

— Но не Анджум.

Девочка сжалась в комок и не дышала. Родители знали гораздо больше, чем говорили ей. Они скрывали что-то важное. Они говорили о Байсан так, будто им было известно, где она! Что они с ней сделали?! Продали замуж? Но и сестра, и сама Анджум были слишком малы для замужества.

— Наш шейх был плохим правителем, — уверенно заявил Гамаль, разрывая корягой песок и закапывая в него мешочек с деньгами. — Я хочу, чтобы судьба привела нас туда, где все пойдет по-другому.

— Говорят, на земле не бывает рая.

— А справедливость? Мне кажется, она существует.

— Ты видел ее?

— Нет. Но я желаю встретить людей, которые в нее верят, которые ее ищут.

Анджум закрыла глаза и начала погружаться в сон. Она решила, что завтра спросит родителей о тайном смысле их разговора.

Глава четвертая

Утром Гамаль скрепя сердце напоил верблюда, потому что тот хрипло ревел, топтался на месте и не хотел идти. Это пришлось сделать раньше, чем через трое суток, потому как в то утро, когда на оазис напали европейцы, бедуины не успели дать животным воду.

Верблюд пил долго и много. Он тянул и тянул влагу длинными мягкими губами, пока Гамаль держал бурдюк. Коричневое лицо мужчины выражало безнадежность и скорбь. Они не ели второй день, и драгоценная влага продолжала убывать. Бедуины умели переносить чувство жажды лучше, чем кто-либо другой, могли пить сырую, соленую, грязную или вонючую воду, но главное, чтобы эта вода все же была.

А еще Гамаль тревожило то, что на пути не встречалось никаких признаков близкого присутствия человека: ни костей и обрывков шкур домашних животных, ни летящих к колодцам птиц, ни падальщиков, вечно круживших возле мест, где обитали люди.

Возможно, до ближайшего оазиса надо идти несколько дней, но такого расстояния им ни за что не удастся преодолеть.

— Вчера вы говорили о Байсан, — промолвила Анджум перед тем, как они с матерью забрались на верблюда.

Халима изменилась в лице.

— Нет. Тебе почудилось.

Она бросила быстрый взгляд на мужа, и тот ответил:

— Мать права. Мы не говорили о твоей сестре. Тебе приснилось. Слова тоже бывают похожими на мираж.

Анджум знала, что такое мираж. Иногда на горизонте возникали очертания города. Девочка с удивлением смотрела на тонкие, будто стрелы, минареты и голубые купола мечетей, каких никогда не видела наяву. Но они быстро таяли, а потом исчезали.

Анджум тихонько вздохнула. Она поняла, что родители ничего не скажут, что ей придется делить горечь и боль только с песками.

Гамаль и Халима с дочерью двинулись дальше. Их сердца были полны тревоги. Они давным-давно сроднились с пустыней и жили одной жизнью с нею. И все же пустыня была способна их убить.

— Разве Джан не знала, что на нас нападут? Почему она не могла предупредить людей? — спросила отца Анджум.

— Возможно, знала. А не предупредила потому, что это должно было случиться.

— Но если б предупредила, то не случилось бы! Люди успели бы уехать.

— Не думаю. Все в этом мире зависит от Аллаха и его воли.

Когда на исходе третьего дня вдали возникла роща финиковых пальм, изнуренные путники решили, что это очередной мираж, но она не исчезала, и вскоре навстречу ринулись всадники, не на худых и заморенных, а на хороших, сильных лошадях.

Издалека почуяв воду, верблюды бешено заревел. Гамаль медленно сполз на песок и упал на колени. Халима с Анджум испуганно смотрели сверху на приближавшихся мужчин. Те были вооружены, однако не собирались нападать. Окружив путников, принялись расспрашивать, кто они и откуда, а потом, видя, что те до крайности измучены, довели их до оазиса.

Вволю напившись воды и поев хотя и пахнущих дымом, но хорошо пропеченных мягких лепешек, Гамаль, Халима и Анджум провалились в сон. С местным шейхом им предстояло встретиться только завтра.

Проснувшись утром, семейство сразу увидело, что этот оазис намного больше и богаче чем тот, в каком они жили прежде. Здесь было несколько колодцев, и росло множество финиковых пальм, чьи широко раскинувшиеся зонтики создавали густую изумрудную тень. А люди обитали не только в шатрах, но и в глиняных лачугах, что, по меркам обитателей пустыни, считалось роскошью.

Местный шейх им тоже понравился. Он доброжелательно расспросил Гамаль о том, что случилось с ним и его семьей, и пообещал отправить своих людей в их оазис, чтобы узнать, остался ли там кто-то в живых, а также предоставить беглецам шатер и даже дать пару овец.

Вскоре пришли неутешительные вести: похоже, никто из соплеменников Гамаль не выжил. В лучшем случае они разбежались кто куда. Оазис Туат был уничтожен.

Состоялся совет племени, на коем было принято решение в виду сложившихся обстоятельств позволить мужчине и его семье остаться в оазисе Айн ал-Фрас — «Верблюжий источник».

Через несколько дней Гамаль произнес традиционную клятву шейху Сулейману: «Моя кровь — твоя кровь, мой ущерб — твой ущерб, моя месть — твоя месть, моя война — твоя война, мой мир — твой мир. Ты наследуешь мне — я наследую тебе, ты взыскиваешь за меня — я взыскиваю за тебя, ты платишь выкуп за меня — я плачу выкуп за тебя».

Только житель пустыни понимал, что такое асабийя — высшее духовное единство, связующее соплеменников узами взаимной ответственности.

Такая клятва считалась нерушимой: клятвопреступника изгоняли из племени, а вне племени, лишенного средств существования, поддержки общины, оскверненного всеобщим презрением, бедуина могло спасти только чудо.

Конечно, в любом оазисе люди делились на богатых и бедных, господ и слуг, аристократию и чернь. Но племя защищало каждого его члена от покушений внешнего мира и решало внутренние проблемы.

Анджум очень нравился Айн ал-Фрас. Он был прекрасен, как пейзажи из сновидений. Здесь было вдоволь воды, так что ею даже мылись, потому что «чистота — половина веры». Тут не надо было питаться двумя горстями муки в день, причем муки, перемешанной с песком.

И все-таки ей чего-то не хватало, потому иногда она уходила на край оазиса и, присаживаясь на корточки, чертила палочкой на песке. В те минуты Анджум ощущала связь с Байсан, смутную, таинственную и вместе с тем реальную связь. Она представляла сестру рядом с собой, она разговаривала с ней, и ей чудилось, что Байсан слышит ее слова, хотя и не может ответить.

Девочка проводила время в одиночестве, пока однажды к ней не подошел незнакомый мальчик.

Он был немного старше нее (никто из бедуинов не знал своего точного возраста, все определяли его только приблизительно), одет в длинную чистую белую рубашу, что само по себе говорило о благородном происхождении, поскольку в ее родном оазисе ребята такого возраста, случалось, еще бегали голыми.

Анджум показалось, что по сравнению с этим мальчиком она выглядит маленькой, грязной оборванкой. Однако он не стал смеяться над ней, а спросил:

— Ты из той семьи, что пришла к нам из другого оазиса? На вас напали белые люди?

Анджум кивнула.

— От них всегда одни только беды! — с отвращением произнес мальчик. — Когда я вырасту, стану сражаться с ними.

Еще раз посмотрев на незнакомца, девочка заметила, что на его плетеном поясе висит кинжал. Значит, он был сыном не простого бедуина, а воина.

— А ты кто? — поинтересовалась Анджум, имея в виду его происхождение.

— Я сын шейха. Меня зовут Идрис, — гордо ответил мальчик, и девочка вздрогнула от неожиданности, а он спросил: — Что ты здесь делаешь? Я не раз видел, как ты уходишь на край оазиса и сидишь тут одна.

— Я рисую на песке, — просто сказала Анджум.

— На песке нельзя рисовать — ветер сейчас же все заметет.

— Я знаю.

— Я слышал, как ты с кем-то разговариваешь. Но ведь тут никого нет!

Анджум немного почертила на песке, а потом медленно и тихо произнесла:

— Я говорю с сестрой.

Идрис понял.

— Ты ее потеряла? Она умерла?

— Я не знаю. Она исчезла.

Он покачал головой.

— Ничто и никто не исчезает бесследно.

— А мои рисунки — да. Ты сам об этом сказал.

— Но песок не способен поглотить память о человеке.

Девочка посмотрела на него с надеждой.

— Я тоже так думаю, — призналась она.

— А твои родители? Что они говорят?

Тяжело вздохнув, Анджум опустила глаза.

— Ничего.

— Тебе одиноко? — спросил Идрис и неожиданно промолвил, не дожидаясь ответа: — Хочешь, я буду твоим братом?

Анджум поняла, почему он предложил стать ее братом, а не другом. Мальчики не дружат с девочками, у них очень разное воспитание. Конечно, она бы хотела иметь старшего брата, но ведь Идрис гораздо выше ее по рождению!

Когда она сказала об этом вслух, мальчик ответил:

— Мы все равны перед Аллахом. И нет таких жертв, каких я, как сын шейха, если это понадобится, не принес бы ради свободы и счастья своих соплеменников.

Хотя Идрис произнес явно не свои, заученные слова, они показались Анджум удивительно искренними.

— Хорошо, — сказала она, — будь моим братом!

Он улыбнулся.

— Завтра рано утром я приду к твоему шатру. Я хочу показать тебе то, чего ты наверняка еще не видела.

— Здесь, в оазисе?

— Нет. Потому мы и выедем на рассвете.

На следующий день девочка проснулась до восхода солнца и тут же выбралась наружу. Было тихо. Пышные перистые верхушки финиковых пальм огораживали оазис от пустыни зеленой стеной, защищали его от ветра. Лишенный пыли воздух казался удивительно свежим и чистым.

Ожидая прихода Идриса, Анджум думала о том, что ей нравится здесь все больше и больше. Она заметила, что поведение матери и отца тоже изменилось. Гамаль и Халима работали с удовольствием, в их глазах появилась надежда. Тут их никто не притеснял, не унижал, не попрекал тем, что они бедны, и не пытался отнять последнее. Здешние люди вообще жили куда богаче, чем в оазисе Туат: лучше одевались и питались. Во многих шатрах были ковры из верблюжьей шерсти и медная посуда.

Анджум не знала, что однажды Гамаль сказал жене:

— Может, и хорошо, что мы приехали сюда только с одной дочерью. Нас бы могли не принять из-за близнецов, и тогда мы бы точно погибли.

Идрис появился, когда солнечный свет только-только начал раскрашивать пустыню, превращая ее однообразную гладь в палитру мягких и нежных красок.

Он вел в поводу молодую стройную верблюдицу с ослепительно белой шерстью, коей заря придавала розоватый оттенок. Обрамленные длинными ресницами глаза животного казались подведенными сурьмой. Анджум никогда не видела такой красивой верблюдицы. Белые верблюды считались самыми благородными, быстрыми и выносливыми и использовались исключительно для верховой езды.

— Ее зовут Айна, — сказал мальчик и неожиданно прочитал стихи:

Верблюдица так резва и так торопится в путь,

Будто в жилах ее клокочет не кровь, а ртуть.

А как худа и стройна! Ее завидя, газель,

Стыдливо взор опустив, должна с дороги свернуть.

И даже доблестный барс за быстроту ее ног

Без колебания отдаст когтей разящую жуть.

Подобна мастью пескам. Широка и правилен ход.

Гонись за нею поток — и тот отстанет чуть-чуть.

Верблюдица и огонь — кто пылче? Оба равны.

Кто легче — ветер или она? У них единая суть[3].

Девочка с восхищением смотрела на великолепное животное.

— Она твоя?

— Отец подарил мне ее, когда она была еще верблюжонком. Можно сказать, мы выросли вместе.

Обладание собственным верблюдом в столь юном возрасте в глазах Анджум было признаком высокого статуса и большого богатства. Наверняка Идриса ждало великое будущее! Девочка вновь подумала о том, насколько они неравны.

Видя ее замешательство, мальчик заметил:

— Ты моя сестра, а значит — принцесса оазиса!

Покрасневшая от удовольствия и смущения, Анджум спросила у отца, можно ли ей поехать с сыном шейха.

— Это не опасно. Я много раз бывал в том месте, — добавил Идрис, и Гамаль низко поклонился.

— Конечно, молодой господин!

Идрис поставил верблюдицу за колени, чтобы Анджум смогла забраться ей на спину. Сидя верхом на этом прекрасном животном, девочка в самом деле ощущала себя принцессой.

Верблюдица двигалась плавным шагом, что являлось свидетельством высоких кровей. Ехать на ней, да еще с сыном шейха, было большой честью. Анджум подумала, знают ли родители Идриса о том, куда, а главное — с кем он отправился, но не решилась об этом спросить.

В этот час пустыня вовсе не казалась опустошенной зноем и изнуренной жаждой. Еще не поднялся жестокий горячий ветер, и дали не скрылись за дрожащей пыльной дымкой.

— Твоя сестра была старше или младше тебя? — спросил Идрис.

Вчера Анджум не сказала, что они близнецы, а теперь вспомнила, что в родном оазисе это считалось плохим знаком. Что, если здешние люди думают так же? Тогда это может навредить отцу, матери, да и ей самой.

— Младше, — ответила она.

За то время, пока Байсан не было рядом, она сама стала старше, а существовало ли время в том мире, куда попала сестра?

Заметив, что вопрос о сестре вызвал у Анджум замешательство и грусть, Идрис постарался отвлечь ее рассказом о своей верблюдице. Айна была на редкость послушной и умной, никогда не лягалась и не кусалась. Ее можно было отпускать без привязи, не боясь, что она убежит.

— Она, наверное, дорого стоит?

— Да. Но отец ничего для меня не жалеет.

— Должно быть, он очень любит тебя?

На лицо мальчика напозла странная тень, и он ответил, глядя вдаль:

— Я его единственный сын. А моя мать была его любимой женой.

Анджум похолодела.

— Была?

— Да. Она умерла.

— А отчего?

— От укуса змеи. Отец был очень счастлив с нею. Он говорил, что подобное счастье приходится оплачивать слишком дорого. Так и случилось.

Значит, Идрис знал, что такое терять близких людей! Теперь уже проникнутая сочувствием Анджум решила отвлечь своего «брата» от горьких мыслей. Она спросила, почему оазис носит название Верблюжий источник.

— Есть легенда о том, как один из наших предков заблудился в пустыне. После нескольких дней скитаний он обессилел и рухнул на песок, готовый умереть. Но вдруг его преданный верблюд ударил копытом по земле, и из ее недр забила струя прохладной, прозрачной воды. В один миг пустыня покрылась травяным ковром, а из песка поднялись пальмы. Так появился наш оазис.

Вскоре Идрис велел Анджум закрыть глаза, и она послушно смежила веки.

Когда верблюдица остановилась, мальчик сказал:

— А теперь смотри!

Девочка ахнула. Впереди простиралось бесконечное поле кустиков альфы. Было невозможно поверить в то, будто только что кругом не было ни единого растения, даже чахлого саксаула, а сейчас перед взором распростерлось целое поле зелени!

На самом деле, это были всего лишь невзрачные пучки травы, однако Анджум в восторге захлопала в ладоши.

— Здесь мы пасем лошадей. Это место напоминает зеленое море, — сказал Идрис и заметил: — Такие вещи говорят нам о том, что два совершенно противоположных мира могут существовать рядом.

Он спешил и пошел вперед. Мальчик двигался с гордой пленительной грацией, он был ладно сложен и обещал стать очень красивым мужчиной. Но Анджум еще не понимала этого. Он ей просто нравился, и она ему доверяла. В родном оазисе мальчишки были другими: имели привычку дразниться, дергать за волосы, швыряться пылью. А Идрис был воспитанным, благородным, но при этом — незаносчивым, не тщеславным. Во всяком случае, так казалось на первый взгляд.

— Ты видела море? — спросил он.

— Нет. А какое оно?

— Это огромное пространство, полное воды, как пустыня — песка, только эту воду нельзя пить.

— Почему?

— Она слишком соленая. И в городе ты не была?

— Нет.

— Когда мы с отцом поедem в город, я возьму тебя с собой.

Анджум обрадовалась.

— А можно?

— Ты же моя сестра, — веско произнес Идрис, и тогда девочка наконец обмолвилась о том, что ее волновало:

— Разве твой отец позволит? Неужели у тебя нет родных сестер?

— Есть, но они намного старше меня. Некоторые уже замужем.

— Когда ты вырастешь, тоже женишься, — задумчиво произнесла Анджум. — У тебя будет много жен?

— Не знаю. Я бы предпочел иметь только одну.

— Почему?

— От женщин очень много шума, — признался Идрис, и девочка засмеялась.

Как всякий житель пустыни, он любил и ценил тишину, настоящую, глубокую тишину, позволявшую услышать самого себя.

— А чей это город? — спросила Анджум, и мальчик нахмурился.

— Белые считают, что их. Но он был нашим и будет наш.

— Они нас не прогонят?

— Нет. Торговля — единственное средство примирения, и мы им пользуемся. И потом часть города по-прежнему принадлежит арабам.

— А что вы покупаете у белых?

— Мой отец — оружие, чтобы сражаться против них же. А они берут у нас ковры, лошадей, баранов. На арабском рынке мы покупаем продукты, ткани, украшения для женщин, каких не делают у нас, — ответил Идрис и пообещал: — Я тебе что-нибудь подарю.

— Почему ты решил стать моим братом? — рискнула спросить девочка.

— Отец говорил о вас с большим сочувствием. Он считает, что вы, как нездешние, да к тому же самые бедные, нуждаетесь в помощи. Поддерживать слабых — занятие, достойное благородных людей. А еще... ты показалась мне не такой, как все. Когда ты сидела на краю

оазиса и что-то чертила на песке, а потом смотрела вдаль, в твоём лице была такая тоска! Но я не видел слез, потому что ты плакала сердцем. Со мной, — Идрис вздохнул, — когда я потерял маму, было то же самое. Я так же уходил на край оазиса и молча просил сочувствия у пустыни.

— Тебя никто не утешал? — тихо спросила Анджум, подумав про его отца и многочисленных родственников.

— Отец сам чуть не сошел с ума. Остальные мужчины считали, что и он, и я должны сами справиться с горем, а женщины, — он запнулся, — возможно, были даже рады, потому что отец слишком сильно любил мою мать.

Анджум понимала: им обоим хотелось заполнить какую-то пустоту. Одиночество сделало их наблюдательными и восприимчивыми к чужим страданиям. Девочка ощутила смешанное чувство боли и облегчения. Она обрела человека, близкого если не по крови, то по духу.

Она вернулась обратно оживленная и бодрая. Родители давно не видели ее такой. Время, проведенное с Идрисом, казалось чудесным, и впереди было еще много таких замечательных дней. Конечно, у ее названного брата были свои мальчишеские (считай — мужские) дела, но он обещал, что они с Анджум все равно станут видеться.

Родителям казалось, что Анджум наконец избавилась от печали, вызванной потерей сестры. Они ошибались в этом, так же как она ошибалась в их чувствах, думая, что они уже не вспоминают Байсан.

С одной стороны, Гамаль и Халима были рады общению Анджум и Идриса, но с другой — их что-то настораживало.

— Хорошо ли, что наша дочь общается с сыном шейха? — спросила женщина у мужа.

Мужчина пожал плечами.

— Я думал об этом. Пока они дети, это не вызовет толков. И если отец мальчика — а он же правитель оазиса! — не против, тогда...

— Кто знает, — с воодушевлением подхватила Халима, — вдруг потом Анджум сможет получить работу в гареме шейха!

— Мы пришлые, — напомнил Гамаль.

— Но нас приняли.

— Пройдет много времени, прежде чем мы станем здесь своими, — ответил мужчина, и спустя несколько дней его слова подтвердились.

По утрам Анджум с удовольствием ходила к колодцу. Ей очень нравилась здешняя вода, а особенно то, что ее было вдоволь. Зачастую возле источника даже не скапливалась очередь.

В стороне несколько мужчин (дойкой крупного скота у бедуинов занимались исключительно представители сильного пола) доили верблюдиц, наполняя твердые снаружи и скользкие внутри сосуды из засушенного вымени этих животных. Анджум с удовольствием подумала о том, как, вернувшись к шатру, выпьет сладкого верблюжьего молока и поест вкусных лепешек, которые испекла мать.

Если вдоволь воды и еды — это уже счастье, подумала Анджум и тут же сказала себе: как жаль, что Байсан не может разделить с ней все, что произошло и происходит в последние дни.

Девочка впервые задала себе вопрос, не было ли расставание с сестрой своеобразной платой за новую, лучшую жизнь? Почему какие-то неведомые силы привели их в этот оазис, тогда как все остальные погибли, — даже Джан, казавшаяся бессмертной предсказательница и колдунья, хранительница памяти племени!

Почувствовав, что настроение начинает портиться, Анджум решила не ломать голову над вопросами, ответ на которые известен только Аллаху. Опустив ресницы, она позволила солнечному теплу ласкать свое лицо. Мягкий утренний свет проникал сквозь закрытые веки, и она ощущала внутри его радужные отблески.

Открыв глаза, Анджум с удивлением увидела девочку, которая стояла перед ней, преграждая дорогу к колодцу. Та была выше, сильнее и крепче, потому что наверняка с рождения

хорошо питалась. Во взоре незнакомки была уверенность в себе и — неприкрытая враждебность.

Анджум не понимала, что ей надо, а потому растерялась. На девочке была чистая рубашка с вышитыми рукавами и воротом, бело-голубые бусы и браслеты от сглаза, явно купленные на городском рынке. К ее косичкам были привязаны блестящие монетки.

Сняв кувшин с плеча, обняв его руками и прижимая к груди, Анджум молча ждала.

Несколько секунд незнакомая девочка разглядывала ее своими недобрыми глазами, а потом неожиданно произнесла:

— Ты уезжала с Идрисом из оазиса. Ты встречаешься с ним. Кто тебе позволил!

Она произнесла имя мальчика так, будто была с ним в родственных или приятельских отношениях.

— Он сам предложил мне стать моим братом, — прошептала Анджум.

Незнакомка презрительно фыркнула.

— Братом?! Да как ты смеешь! Ты нам чужая. Ты оборванная и грязная.

Девочка задрожала. Она испуганно смотрела на собеседницу. Она знала: только кажется, будто женщины всецело зависят от мужчин. На самом деле, им многое по плечу, и они обладают оружием, недоступным и непонятным сильному полу.

— А ты кто? — рискнула спросить Анджум, и незнакомка высоко подняла голову.

— Я Кульзум, сестра Идриса.

Девочка вспомнила, что мальчик говорил, будто у него есть только взрослые сестры. Нежели солгал? Но зачем?

— Шейх Сулейман — твой отец? — уточнила она.

— Он мой дядя. Все знают, что Идрис — единственный сын правителя племени, а потому ищут его расположения. И если ты думаешь, будто сумеешь чего-то добиться через него, то ошибаешься! Ты не первая, а последняя среди нас! Он не станет тебя защищать, да и не сможет, даже если захочет: дядя решил отправить его учиться в город.

Анджум сникла. Идрис не рассказывал ей об этом. Да и кто она такая, чтобы он стал делиться с ней планами своей знатной семьи!

Внезапно девочка тряхнула головой. В ней жило врожденное понимание того, как можно сочетать покорность с достоинством.

— Если я что-то нарушила, прости, — сказала она. — Я сделала это от незнания, а не по умыслу.

Кульзум не нашлась, что ответить и невольно отступила, пропуская Анджум к источнику.

Настроение девочки испортилось. Этот замкнутый, ограниченный песками зеленый мир уже не радовал ее так, как прежде. Она поняла: где бы она ни очутилась, ей всегда придется зависеть от воли других людей.

Вечером Анджум в одиночестве отправилась на край оазиса и принялась смотреть на закат. Когда огромное багровое, зловещее солнце опустилось за горизонт, небо еще пылало оттенками желтого, оранжевого и алого, и девочка подумала, что это отблески ее несбывшихся надежд.

Анджум знала, что надо вернуться обратно, пока на землю не опустилась ночь, и, повернувшись, увидела приближавшегося к ней Идриса.

— Я пришел сказать, что завтра мы едем в город, — слегка запыхавшись, сообщил он и добавил: — Иди к шатру. Твои родители волнуются.

Анджум молчала, и тогда он спросил:

— Ты чем-то огорчена?

Девочка решила сказать правду.

— Сегодня меня подкараулила Кульзум — твоя двоюродная сестра. Она возмущалась тем, что я вижу с тобой.

Идрис махнул рукой.

— Не обращай на нее внимания! У меня полно таких «сестер», и с ними страшно скучно. Они только и знают, что сплетничать и следить друг за другом. Я буду делать то, что хочу, и мне никто не сможет помешать.

Анджум ничего не ответила, хотя думала иначе. Она полагала, что на свете существуют силы, с которыми не способен совладать ни один из смертных.

Глава пятая

— Перед отъездом нам надо зарегистрировать Жаклин, как нашу дочь, — сказала Франсуаза, — чтобы впоследствии ни у кого не возникло никаких сомнений. Окрестить ее можно уже на месте, потому что пока она не подготовлена к этому.

Фернан нахмурился.

— Люди все равно станут болтать. Она не европейка, и это видно.

— Вот уже несколько дней я принимаю солнечные ванны. Через неделю я буду даже темней Жаклин. А если кому-то захочется говорить лишнее, полагаю, у нас достаточно влияния и средств, чтобы заткнуть им рты!

— Прости, но я передумал, — не глядя на жену, произнес Фернан, — нам придется вернуть девочку родителям.

Они с Франсуазой сидели на террасе особняка. Они уже выставили его на продажу, и майор удивлялся, что жена несколько не огорчена тем, что ей предстоит покинуть дом, в котором она родилась и выросла. Напротив, Франсуаза буквально жаждала вырваться отсюда. Впрочем, ее реакцию всегда было сложно предугадать.

Перед супругами стояли прохладительные напитки и вино. Небо над головой было бледно-синим, а над морем протянулась узкая розовая полоска. Птицы парили куда свободнее, чем днем; издали доносились их громкие крики. Ощущение вечера с необычайной, неумолимой силой проникало в душу и сердце. Даже спустя долгие годы пребывания в чужой стране, Фернан наслаждался этим чувством. Однако он уже знал, что вечер будет испорчен.

— Это еще почему? — злое проговорила Франсуаза и нервно обмахнулась веером.

— Потому что ты непредсказуема. Скажу больше — ты больна, — отрывисто произнес он. — Я много думал об этом. Мне постоянно приходится следить за тем, чтобы ты чего-то не натворила. Теперь я буду вынужден заботиться еще и о том, как бы ты чего-нибудь не сделала с ребенком. Я не справлюсь.

Выслушав мужа, Франсуаза глубоко вздохнула, а потом с неожиданным спокойствием промолвила:

— Вижу, пришла пора рассказать тебе правду. — И, сделав паузу для того, чтобы отхлебнуть из бокала, принялась говорить: — Я совершенно здорова. Как была здорова моя мать. Конечно, мне больно и горько, что она оставила меня в столь раннем возрасте, но я могу ее понять. Мой отец был солдафоном в полном смысле этого слова, грубым человеком, не признающим мораль. Полагаю, мать покончила с собой, случайно увидев среди его трофеев какой-нибудь мешок с отрезанными головами или конечностями! Не знаю, как теперь, но тогда это было в порядке вещей. Кстати, это я нашла мою мать повесившейся. Сначала я не поняла, почему между ее ногами и полом — пустота, а потом подняла голову и увидела ее лицо.

Фернан похолодел.

— Это правда?

— Да, — ответила Франсуаза и принялась рассказывать: — Мама была утонченной женщиной, ее заставили приехать сюда и выйти за него, потому что ее семья разорилась. Несмотря на то, что у нее появилась я, она сочла свою жизнь пустой и бессцельной. Каким бы черствым ни был отец, наверное, он ощущал свою вину, потому что после случившегося баловал меня свыше всякой меры, хотя это уже не могло ничего спасти. К тому же я быстро почуяла безнаказанность и свободу. Говори, что считаешь нужным, делай, что хочешь, и все падет к твоим

ногам! Со мной опасались связываться, а все сказанное мной, что называется, брали в толк. Если б кто-то скакал верхом так, как это делала я, он бы давно убился, но я ни разу даже не упала с лошади. Если б другой человек вел себя так, как вела я, он бы непременно наварвался на неприятности, а мне все сходило с рук. Моей натуре претило все обычное, пресное, тем более — корыстное, и в результате, будучи совсем юной, я влюбилась в араба. Не смотри на меня так, я не лгу! Ты знаешь, как сильно мой отец ценил лошадей, и этот юноша служил у нас конюхом. Он был прекрасен, в нем жили дикость и жар пустыни. Я верила в то, что Бог одарит меня всем, что соответствует моей дерзости, уму и красоте, и считала, что этот мальчик создан едва ли не по моей прихоти. Я прокрадывалась в конюшню каждый день во время сиесты и отдавалась ему на охапке сена. Мы не разговаривали, потому что не нуждались в словах, и, несмотря на происходящее, нами владели самые чистые и безгрешные в мире чувства. Меня пронзало ощущение блаженства, счастья и некоей первозданности, близости к чему-то сокровенному. Надеюсь, он чувствовал то же самое. Это я его соблазнила, потому только я была виновата в том, что случилось в дальнейшем. Я погубила нечто искреннее, прекрасное, то, что было самым дорогим для меня.

Фернан вздрогнул: прежде Франсуаза ни в чем себя не винила и не говорила, что ей кто-то дорог.

История о связи араба и белой девушки показалась майору на редкость неправдоподобной. Такого не случалось никогда и нигде! К тому же Франсуаза могла выдумать что угодно.

А женщина продолжала, не замечая его реакции:

— Наверное, я где-то проявила неосторожность, и меня кто-то выследил. Так или иначе отец обо всем узнал. Он решил, что я растоптала свою нравственность, связавшись с человеком низшей расы. Меня заперли, моего юного любовника приказали повесить. Выглянув из окна, я увидела его на заднем дворе: вывалившийся багровый язык, выпученные глаза, синее лицо, по которому ползали мухи. От его красоты ничего не осталось, как в свое время ничего не осталось от красоты моей матери. — Она замолчала, сделала глоток вина и снова заговорила: — Я была беременна. Ребенок родился раньше времени, мертвым. Я едва не истекла кровью и навсегда лишилась возможности стать матерью. Мой отец был рад. Он не мог допустить рождения незаконного младенца смешанной крови. А я... Ты не представляешь, что значит существовать между реальными мучениями и — грезами, снами, которые никогда не сбудутся!

— Я не видел в твоём отце мужчины, портрет которого ты только что нарисовала, — заметил Фернан и добавил: — Он тебя любил.

— Я не отрицаю этого. И потом у каждого человека есть много оболочек. Ты видишь одно, другой — другое. Я хотела сбежать из дома, но куда? У меня ничего не было. Ничего и никого. Я ненавидела отца, и он это знал.

Фернан не сводил с нее острого, жесткого взгляда.

— Почему ты вышла за меня?

— На том памятном и для меня, и для тебя вечере ты не был похож на других. Не тщеславный, не пустой. Одинокий. Я сразу это почувствовала. Я знала, что ты будешь мне хорошим мужем. Так и вышло.

— Но ты меня не любила! Ты использовала меня, причем всю свою жизнь!

Женщина подалась вперед.

— Я выбрала тебя, Фернан, хотя за мной увивались многие. А ты выбрал меня, причем тоже не по любви. Ты просто считал такую женщину, как я, недосыгаемой для себя. А еще тебя привлекали деньги моего отца и возможность сделать карьеру.

Майор молчал, сознавая, что и вправду не может сказать, что любил Франсуазу. Он восхищался ее красотой и был полон страсти, но любая красота рано или поздно увянет, а страсти свойственно затухать.

— Ты не была мне верна, — наконец произнес он.

— Но ты ни разу не обвинил меня в этом! Значит, это неправда, — рассмеялась Франсуаза и уверенно заявила: — Наша жизнь была пустой из-за отсутствия детей. Теперь все изменится.

— Пусть так, — терпеливо промолвил Фернан, — но нам нельзя было брать арабку. Да, она ничего не помнит, и все же нам никогда не избавиться ее от того, что она впитала с молоком матери. К тому же, мне кажется, бедуины не хотели отдавать свою дочь: просто они попали в некую безвыходную ситуацию. Наверняка сейчас они не находят себе места. Так что я все-таки съезжу в тот оазис. Если родители пожелают забрать Жаклин, мы ее отдадим. А деньги пусть останутся им. Они слишком бедны.

Франсуаза восприняла слова мужа с поразительным спокойствием.

— А если они откажутся взять ее назад после того, как она побывала у нас? А если она так ничего и не вспомнит?

— Любой ребенок обретет память при виде своей настоящей матери!

Франсуаза молчала. Ее губы были загадочно сомкнуты, а взгляд полон скрытого торжества.

Майор отправился в оазис со смешанными чувствами. Поведение жены оставалось для него непонятным. Фернан знал, что она не пожелает расстаться с девочкой, даже если бедуины (а как еще могли поступить родители!) захотят ее вернуть, и все-таки она не возразила против этой поездки ни единым словом.

Рассказанная Франсуазой история потрясла майора. Он колебался, верить или не верить. Его посетило неприятное чувство при мысли о том, что жена неслучайно выбрала бедуинку: ведь ее собственный, пусть и родившийся мертвым, ребенок был зачат от араба. А еще Фернана одолевали сомнения: не была ли его казавшаяся сумасбродной и порывистой супруга на самом деле предельно расчетлива и разумна в своих поступках?

Когда майор с небольшим отрядом подъехал к оазису, ему пришлось убедиться, что судьба может быть еще более непредсказуемой, чем Франсуаза.

Кругом все было мертво, бесплодно, голо. Песок занес остатки разрушенного жилья, колодцы тоже были засыпаны, деревья медленно погибали под жгучим солнцем. Трупов не было, но их могли уничтожить стервятники, шакалы и гиены.

Фернан сверился с картой. Да, это было то самое место, где располагался оазис под названием Туат. Он ничего не понимал. Конечно, по каким-то причинам бедуины могли сняться с места и отправиться неведомо куда на своих верблюдах, и все же это казалось странным.

Он долго стоял, глядя в знойную даль, охваченный необычайно сильным душевным волнением. Ему хотелось преклонить колени перед величием пустыни с ее диковинными песчаными волнами, непреодолимыми пространствами и древними тайнами, которые не дано познать простому смертному.

Вернувшись обратно, Фернан Рандель втайне от жены обратился к занявшему его пост Полю Матрену и с изумлением узнал, что Туат был снесен с лица пустыни, а его обитатели уничтожены. На вопрос, в чем причина такой жестокости, Мартен ответил, что при приближении французов арабы начали стрелять. Однако Фернан знал, что это был бедный, если не сказать, нищий оазис, а его жители вовсе не выглядели воинственными и едва ли напали бы первыми. Да и откуда у них взялись ружья?

Майор с горечью думал о том, что в своем варварстве французы превзошли те дикие племена, которые решили приобщить к цивилизации. В армии всегда внушали, что цель оправдывает средства. Но в данном случае Фернан мог заметить, что, если средства столь дурны, выходит, порочна и сама цель.

Несколько дней спустя он отбыл в столицу колонии вместе с женой и маленькой удочеренной арабкой, зарегистрированной как Жаклин Жозефина Рандель. Они не взяли с собой

никого из прежних слуг и довольствовались небольшим количеством вещей: Франсуаза мечтала начать совершенно новую жизнь.

Вереница верблюдов медленно шла по пустыне в облаках пыли. Они двигались, как корабли, бесшумно рассекавшие песчаные волны, равномерно покачиваясь и мягко ступая. Хотя сейчас шейх Сулейман и его окружение ехали в начале каравана, а Анджум и Халима — в самом конце, сегодня девочка впервые как следует разглядела отца Идриса.

Высокий, прекрасно сложенный, облаченный в белый бурнус из тяжелой, плотной, образующей крупные складки материи, он обладал воистину царственной внешностью, крайне выгодной для мусульманского правителя. Его куфия удерживалась на голове толстым шнуром из верблюжьей шерсти. То было простое и вместе с тем величественное одеяние истинного жителя пустыни.

Шейх Сулейман уверенно восседал в обитом красным бархатом седле. Под ним был породистый конь с гладкой, как атлас, шерстью, шелковистыми гривой и хвостом.

Анджум видела, что Идрис унаследовал от отца и строгую выразительность лица с тонко изваянным носом и четко очерченными губами, и открытый взгляд, свидетельствующий о силе духа и свободе ума.

Разумеется, сейчас девочка ехала не на Айне, а на верблюде, принадлежавшем ее отцу. Халима отправилась в город вместе с Анджум, а Гамаль не поехал. Он не отпустил бы туда и жену с дочерью, если б мог отказать сыну шейха.

Перед отъездом Халима обвела глаза Анджум сурьмой — для защиты от слепящего солнца и от сглаза: ведь они отправлялись туда, где много чужих людей.

Денег у них не было, но они ехали не за покупками. Анджум хотела посмотреть море, а Халима...

Минувшей ночью, лежа в шатре, женщина тихо молилась Аллаху. Она желала вернуть свою дочь.

Халима не думала о том, что если они переехали в другой оазис, то и находящийся неподалеку город — наверняка не тот, куда отправились купившие Байсан европейцы. Для нее существовало два мира: пустыня и тот неведомый край, что за ней. И если пустыня казалась чем-то единым, неделимым, цельным, то и другой мир, без сомнения, был таким же.

Когда она попыталась что-то сказать об этом, Анджум уверенно заявила:

— Города, как оазисы. Их много, и они чем-то похожи, а в чем-то — разные.

Она узнала это от Идриса, а в словах своего названного брата она несколько не сомневалась.

— А что между ними? — удивилась Халима, и девочка пожала плечами.

— Не знаю. Я только слышала, что вместо пустыни там море, полное не песка, а воды.

— Такое же большое?!

— Да.

— Наверное, люди, живущие в местах, где столько воды, очень счастливы, — задумчиво промолвила Халима.

— Эту воду нельзя пить.

— Разве такое бывает? Вода не может быть бесполезной!

— По ней можно передвигаться.

— По воде?! Это как?

Анджум замаялась. Идрис объяснял ей, но она не очень-то поняла.

— В таких... больших корзинах или даже не в корзинах...

— Ты говоришь о том, о чем не имеешь ни малейшего представления, — строго заметила женщина, сделав вывод, что дочь несет чепуху, и прекратила этот бессмысленный разговор.

Издали город сверкал в лучах полуденного солнца ослепительным белым пятном. Шейх Сулейман и его люди въехали в него со стороны арабских кварталов, где высились минареты и круглились купола мечетей. Ни Халима, ни Анджум никогда не бывали ни в одной из них.

Очутившись на городской улице, женщина и девочка с любопытством вертели головой, благо ничто не мешало обзору: бедуинки не носили покрывал и не прятали лицо.

И дома, и мостовая были накалены солнцем; над землей колыхалась жаркая дымка. Лабиринт поднимавшихся вверх переулков был запутанным и извилистым, стиснутым глухими стенами жилищ. Кое-где встречались небольшие площади, на каждой из которых, как правило, бил фонтан.

Возле источников собирались закутанные в плотные покрывала женщины с кувшинами в руках, а мужчины тем временем дремали в редких тенистых уголках. Иные из них — в основном богатые арабы в шелковых бурнусах — сидели под навесами и пили чай или кофе из маленьких фаянсовых или медных чашек, изящно держа их пальцами и важно беседуя.

Анджум изумило обилие кипарисов, смоковниц и пальм. А потом она увидела море.

Когда они взошли на холм, оно открылось перед ней во всем своем великолепии. Оно выглядело ослепительно-синим и безмятежным, словно пребывавшим в глубоком полуденном сне. Анджум поразила его прозрачная, неподвижная сияющая гладь.

Девочка вспомнила про зеркало Джан, в котором увидела только себя, но не сестру, и ей почудилось, что поверхность моря способна отразить в себе буквально все. То было зеркало мира.

Анджум глубоко вдохнула, а потом выдохнула, словно выпуская на волю собственную душу. Никогда еще ей не было так легко. В этот миг она избавилась даже от вечной тоски по Байсан.

Море издавало однообразный, равномерный, усыпляющий, чарующий шум, какой нельзя было сравнить ни с чем. И с его стороны дул необыкновенно свежий ветер, оставляющий на губах привкус соли.

Подъехавший к Анджум и Халиме Идрис сообщил, что сейчас бедуины должны разделиться. Женщины направятся по своим делам, мужчины — по своим. А он намерен сойти к воде, потому что обещал показать «сестре» море.

— Пойдешь со мной? — спросил он и прочитал ответ девочки в ее сияющем восторженном взоре.

Халиме ничего не оставалось, как привязать верблюда и присоединиться к другим взрослым бедуинкам. А Идрис, спросив разрешения у отца, повел Анджум на берег.

Шейх Сулейман был мудрым человеком и не обращал внимания на подобные мелочи. Он знал, что это всего лишь незначительный эпизод в жизни его любимого сына. То, что Идрис сочувствует бедной девочке, говорило о его добром сердце. Такие порывы не стоит сдерживать. Сын мусульманского правителя должен быть великодушным, внимательным и справедливым.

Недавно шейх Сулейман решился на необычный для главы бедуинского племени шаг: он сказал сыну, что пошлет его учиться в мусульманскую школу. Хотя почитание грамотности и культуры издавна было присуще арабскому миру, даже знатные бедуины редко умели читать и писать. Поможет ли образование Идрису или нет, он не знал, ибо, как гласит Коран: «Не постигнет нас никогда и ничто, кроме того, что начертал нам Аллах»[4]. По крайней мере, шейх Сулейман надеялся, что оно не будет лишним.

Крыши домов сверкали на солнце. Со всех сторон от моря поднимались узкие улочки. Казалось, город вырастает из воды и взбирается вверх по холму.

Должно быть, Идрис не раз ходил этим путем, потому что они с Анджум довольно быстро добрались до берега.

Море распростерлось перед ними во всей красе, играя небольшими волнами и посверкивая золотисто-белой пеной. Девочка словно впитывала в себя его яркую лучистую синеву, и по ее коже пробегали мурашки восторга.

Как никогда прежде, ей хотелось дать волю своей радости, смеяться, танцевать и петь, но вместо этого она присела на корточки и осторожно погрузила в воду руку, а потом быстро выдернула ее, пораженная мягкостью, нежностью, необыкновенной осязаемостью прикосновения прохладной воды.

— Оно живое! — с изумлением произнесла Анджум и посмотрела на мальчика.

Темные глаза Идриса улыбались, зубы сияли белизной. Его кожа была цвета светлой бронзы, ветер трепал блестящие черные волосы.

— Я не ошибся в тебе! — сказал он и добавил: — Ты можешь войти в него, и оно тебя примет.

Девочка осторожно ступила в воду. Она обволакивала, щекотала, ласкала. Анджум невольно вскрикнула, разглядев в глубине стайку ярких серебристых рыбок.

Мальчик весело смеялся. Девочка подумала о том, насколько ей с ним легко. Почти также легко, как с Байсан. Возможно, они с Идрисом и не понимали друг друга с полуслова, но их чувства и отношение к миру во многом совпадали, несмотря на то, что он был сыном шейха, а она — простой девочкой, да еще из другого племени.

Внезапно вспомнив о словах Кульзум, Анджум спросила:

— Правда, что отец хочет отправить тебя учиться?

Идрис кивнул.

— В город?

— Да. В мусульманскую школу. Отец желает, чтобы я стал истинным сыном ислама.

— Ты хочешь этого? В смысле — уехать из дома?

Идрис посерьезнел.

— Не очень.

— Но если ты будешь учиться в этом городе, то сможешь каждый день видеть море.

Слегка прищурившись, он смотрел вдаль.

— Это закрытая школа. И потом я — человек пустыни.

Анджум понимала, насколько сильно Идрис связан своими корнями, потому что сама чувствовала то же самое.

Даже увидев море, едва ли она сумела бы объяснить, что это такое, как никогда не смогла бы понять, как огромные штуковины, называемые кораблями, держатся на воде и не тонут. Огромное водное пространство казалось чудесным, прекрасным, но все же чужим, а пустыня жила в ее сердце.

— Я должен отправиться туда, — сказал мальчик, — чтобы научиться думать, понимать и объяснять. Но я непременно вернусь.

Халима шла вместе с другими бедуинками по узкой улице, вымощенной белым, сверкающим под полуденным солнцем камнем.

Женщины текли суетливой, говорливой, беспорядочной толпой, тогда как мужчины вышагивали с извечным достоинством восточного человека. Недаром мудрые люди говорили: одеты арабы в рванье или в парчу и шелк, их осанка всегда величественна, и в этом они сродни древним богам.

На фоне зелени деревьев и лилового песка обочин пестрело множество лавчонок, где продавалось буквально все. Кто-то из женщин подошел к прилавку с тканями, другие бросились туда, где были выставлены гребни, браслеты, амулеты, шкатулки и зеркала. Прищелкивая языками, мужчины с видом знатоков разглядывали турецкие, кабийские, испанские и туарегские сабли и французские ружья.

Халима очень быстро устала, к тому же для нее здесь не было ничего интересного. Она попросила у старшей женщины позволения подождать соплеменников у входа на рынок, и та отвела ее туда, усадила на землю и велела не сходить с места.

От нечего делать женщина разглядывала улицу, по которой сновали арабы и где иногда появлялись белые. Здесь стояло несколько красивых домов в истинно мавританском стиле, где теперь жили французы. Растущие вокруг домов деревья бросали на землю густую тень, а в их ветвях щебетали птицы.

Внезапно бедуинка увидела европейку, которая шла по улице, ведя за руку девочку. Сперва Халима обратила внимание на женщину, чьи черные волосы были уложены в замысловатую прическу, а лицо покрыто золотистым загаром. Халима перевела взгляд на девочку. Хотя на той был сложный и странный наряд, в какие облачаются белые люди, а лицо окружала топорщившаяся ткань, напоминавшая пену (это был кружевной капор), можно было усомниться в том, что она принадлежит к европейской расе.

Бедуинка медленно, словно во сне, поднялась с земли и пошла навстречу. В ее теле застыло напряжение, а в глазах затаился страх. В какой-то миг взгляды женщин встретились, после чего француженка, мгновенно почувствовавшая, *кто* перед ней, кинулась в сторону, не выпуская руки ребенка. Она не видела, что навстречу катится повозка, обычная для этой местности двуколка без рессор. Обычно эти коляски неслись с большой скоростью — так было и сейчас.

К счастью, девочку не задело, а вот женщина была сбита с ног и осталась лежать на мостовой. С повозки в ужасе соскочил молодой араб и принялся суетиться вокруг, повторяя «мадам, мадам». Девочка в растерянности стояла рядом.

В какой-то миг она натолкнулась на горящий взор Халимы, и та увидела в больших темных глазах девочки что-то чужое, как если бы в знакомое тело кто-то вселил другую душу.

Тем временем вокруг повозки, сбитой женщины и ребенка собрались люди; они скрыли их от взора бедуинки. Француженку подняли: она была жива и даже почти не пострадала.

Халима бросилась бежать. Она не смогла до конца осознать то, что ей довелось увидеть, и вместе с тем поняла самое главное, ибо хотя простые бедуины немного способны облечь в слова, им дарована редкая интуиция, некое магическое чутье.

Ей было известно: Аллах всегда дает то, что ты просишь, но чаще всего — не так, как ты хочешь.

Женщина долго сидела на земле, то раскачиваясь из стороны в сторону, то замирая. Отныне Халима знала: не стоит пытаться ничего вернуть. Иначе будет хуже — для нее, Гамали и Анджум. Она вспомнила бегство из оазиса, когда на них напали белые. Все это не являлось случайностью. Аллах позволил им уцелеть, им одним, и они не должны просить о большем. Им ни за что не одолеть эту женщину, чье лицо было таким властным, а взгляд слишком мрачным и глубоким! Надо внушить себе, что ничего не произошло, закрыть глаза и представить, что это был сон.

Бедуинки нашли Халиму на том месте, где и оставили. С ними была Анджум. Халима выглядела подавленной, безучастной. Она не обрадовалась даже сочным фруктам, которыми ее угощали женщины.

Девочка показала матери купленное на рынке и подаренное ей Идрисом ожерелье из стеклянных бусин, перемежавшихся с кусочками неотшлифованной ляпис-лазури. Халима ничего не сказала, но осуждающе покачала головой.

Когда они тронулись в обратный путь, Анджум очень хотелось оглянуться на море, к этому часу начавшее громко шуметь и переливаться волнами, но она знала, что оглядываться — плохая примета, а она желала еще хотя бы однажды вернуться сюда.

Вскоре город остался позади. Солнце спускалось все ниже и ниже; на землю ложились длинные, казавшиеся холодными тени. Когда наступили сумерки, Анджум почудилось, будто пустыня сомкнулась с небом.

Немного пришедшая в себя Халима заговорила с дочерью:

— Было бы неплохо, если б ты попросила Идриса об одолжении. Раз уж он так привязан к тебе, пусть похлопочет, чтобы найти для тебя работу в гареме своего отца.

Анджум вскинула испуганный взор.

— Зачем?

— Ради твоего будущего. Едва ли мы с твоим отцом сможем обеспечить тебя достойным приданым. Ты уже большая и способна трудиться. А еще ты сумеешь попасть в нужное окружение. И неважно, если придется начать с самой грязной и тяжелой работы.

Анджум знала, что через несколько лет сделается невестой. Жительница пустыни быстро расцветает, хотя столь же скоро блекнет. В тринадцать девочка уже может стать женой, а к шестнадцати сделаться матерью двоих детей.

— Почему у вас родились только мы с Байсан? — спросила она у матери.

При упоминании имени второй дочери Халима содрогнулась.

— До вашего появления на свет у нас умерло несколько детей, а больше Аллах не давал, — взяв себя в руки, просто сказала она.

И тут же подумала о том, что это к лучшему: едва ли они с Гамалем сумели бы прокормить столько ртов!

Больше мать и дочь не разговаривали. К утру вдаль показались раскачивающиеся на ветру зеленые султаны пальм, чьи вершины отягощались большими желтыми гроздьями созревших фиников, и рассыпанные там и сям лачуги и шатры. Бедуины радостно зашумели, забили копьями о щиты, славя Аллаха, чья милость сопровождала их в пути.

Спешившись возле своего шатра, женщина и девочка думали о разном. Анджум была очень довольна поездкой и мечтала когда-нибудь ее повторить, а Халима, для которой это путешествие, вопреки молитвам Аллаху, обернулось странным, на грани кошмара видением, желала обо всем позабыть. Наверное, это было неправильно и дурно, но ей просто не оставалось ничего другого.

Глава шестая

Поездка в город несказанно укрепила дружбу Анджум и Идриса, хотя воспоминания о толпах народа и уличной круговерти очень скоро стали казаться девочке сном.

Сыну шейха нравилось рассказывать своей названной сестре о том, что знал он сам и чего не знала она. Он видел, что ей всегда интересно услышать что-то новое. Анджум буквально впитывала в себя все, что он говорил, и не стеснялась задавать вопросы.

Обычно они уходили на край оазиса, где впервые встретились и где беспрестанно дул ветер, приносящий великое множество колющих лицо песчинок, а кругом простиралась желтая равнина, на которой росли лишь пожираемые солнцем сухие, белые, словно покрытые рыбьей чешуей, кусты саксаула.

Однажды, когда Анджум, вновь охваченная приступом горечи, рисовала на песке какие-то бессмысленные знаки, Идрис взял у нее веточку и вывел что-то причудливой вязью.

— Что это?

— Изречение из Корана: «Достояние ближней жизни по сравнению с будущей — ничтожно»[5].

— Что это означает? — любопытствовала Анджум.

— Истинная жизнь начинается в ином мире. Если твоя сестра сейчас там, то ей хорошо.

— Ты умеешь писать?

— Да.

Мальчик рассказал, как отец с раннего детства заставлял его выводить буквы острой палочкой на покрытой глиной дощечке.

Простые бедуины не знали грамоты, но Идрис был сыном шейха, о чем Анджум иногда забывала.

— Хочешь, я покажу тебе буквы?

Девочка вздохнула.

— Не надо. Я должна думать о другом.

— О чем?

Анджум было стыдно заговаривать с Идрисом о просьбе матери, но она была вынуждена себя заставить, потому что после того, как ее семья поселилась в Айн ал-Фрас, Халима забеременела. Девочка была и рада, и не рада этому. С одной стороны, у нее появится брат или сестра, но с другой — вскоре ее матери будет не до нее.

— Ты бы не мог найти для меня работу в гареме?

— Зачем тебе? — удивился мальчик.

Она не поднимала глаз.

— Потому что мы бедны, а это как-то помогло бы нам...

— Я не подумал об этом, — извиняющимся тоном произнес Идрис и заметил: — Ведь я мог бы приносить тебе еду! Ты наверняка питаешься лепешками да молоком, а у нас бывает вдоволь мяса.

Анджум смутилась.

— Не надо.

Потом спросила:

— Когда ты отправляешься в школу?

Идрис нахмурился.

— Боюсь, что скоро.

— А когда вернешься?

— Когда мне исполнится шестнадцать лет.

Анджум вздрогнула. То был рубеж, отделяющий мальчика от мужчины. В этом возрасте сыновья шейхов получали право присутствовать на совете племени и... жениться.

Ни один бедуин никогда не вступит в брак с женщиной ниже своего сословия, так как заботится о чистоте происхождения будущего потомства. Кого возьмет в жены Идрис? Конечно, девушку из своего окружения — настоящую принцессу оазиса, а не ту, что ничем не отличается от других бедуинок.

— Хорошо, покажи мне буквы! — неожиданно для самой себя промолвила девочка, и Идрис улыбнулся.

С тех пор они превратились в двух заговорщиков. Мальчик чертил на песке буквы, а Анджум запоминала. Она оказалась очень толковой, чему сын шейха, воспитанный с понятием того, что у женщин ущербный ум, не переставал удивляться.

Попутно она запоминала стихи из Корана и училась понимать их смысл. А еще узнала о рае, блаженной обители, где текут «реки из воды непортящейся и реки из молока, вкус которого не меняется, и и реки из меду очищенного[6]».

А что если, думала Анджум, Байсан удалось приоткрыть невидимую дверь, и она угодила прямо туда?

Идрис выполнил обещание поговорить с родными, и девочке было велено явиться в гарем шейха Сулеймана. Халима была вне себя от радости. Она выстирала рубашку дочери, вымыла ей волосы — хотя это и было огромным расточительством — и заново заплела косички. А еще Анджум нацепила на шею подаренное Идрисом украшение.

Она не желала подчеркивать свои особые отношения с сыном шейха. Просто Анджум не хотелось выглядеть совсем нищей.

И все же ей было далеко до женщин, сновавших по двору гарема: те носили на груди множество красиво вышитых чехольчиков для амулетов и разных мелких предметов, а руки иных даже были украшены серебряными браслетами и шеи — бусами из слоновой кости, янтаря, голубого и черного стекла.

Одноэтажный глинобитный дом шейха с плоской кровлей был обставлен куда беднее, чем городские дома, хотя здесь и было то, чего не увидишь в шатрах простых бедуинов: пестрые ковры и красивая утварь. Поскольку шейх Сулейман являлся главным воином племени, стены его покоев были увешаны оружием. Впрочем, на мужскую половину женщинам было запрещено заходить.

— Веди себя смирно, — напутствовала дочь Халима, — никому не возражай. Если что-то не понравится, молчи. И не поднимай глаз. Очутиться среди слуг правителя оазиса — большое счастье для таких, как мы.

Оказавшись в гареме, Анджум оробела. Старшая служанка, по-видимому, мало довольная появлением девочки, сразу отправила ее на кухню, где ей предстояло выполнять самую грязную работу.

Возле кухни-навеса стояла огромная ступка с пестиком: в ней толкли сушеные финики. Тут же на воткнутых в песок кольях висели бурдюки с водой. Внутри Анджум увидела плоские деревянные блюда, конические глиняные сосуды с ушками, горшки, деревянные подойники, каменные жернова, сплетенные из соломы сита для просеивания муки.

Неприветливая женщина по имени Данаб велела девочке взять небольшой топорик и нарубить саксаула для растопки.

Анджум пошла на край оазиса, откуда наползали гигантские песчаные языки, грозящие поглотить жилища людей.

Девочка принялась рубить причудливо скрученный саксаул. Хрупкое дерево легко крошилось, разлетаясь во все стороны белыми брызгами, однако Анджум знала, что вскоре ее ладони покроются волдырями, а горло пересохнет от жажды.

Она работала до тех пор, пока дневное светило не встало прямо над головой и саксаул не перестал отбрасывать тень и, нагрузившись топливом так, что ее почти не было видно под огромной охапкой, побрела обратно.

Анджум мечтала о глотке воды и о короткой передышке, а еще о том, чтобы ею стали довольны. Она понимала, что таким, как она, сложно заслужить похвалу: хорошо, если никто не обругает. Девочка знала, что плату (если она будет исправно трудиться) отдадут в конце луны ее матери Халиме. Сколько это будет и чем станут расплачиваться, она не имела ни малейшего представления.

Свалив саксаул возле печи, Анджум не успела вытереть лоб, как ей поручили принести воды из колодца. Но там она хотя бы могла напиться.

Взяв бурдюки, девочка направилась к источнику. Она испугалась, когда на подходе к группе смоковниц, под которыми был вырыт колодец, путь преградил незнакомый мальчик — как прежде это сделала Кульзум.

Он был по-своему красив, хотя черты его опаленного солнцем, как у всех бедуинов, обрамленного черными, как смоль кудрями лица казались слишком резкими. Он держался непринужденно, смело и, пожалуй, презрительно: последнее ощущалось в усмешке и остром взгляде темных глаз.

А еще Анджум заметила, что у него есть кинжал, как у Идриса. Значит, он был сыном кого-то из свиты шейха.

— Ты и есть та девчонка, с которой носится Идрис? — небрежно произнес мальчик.

Анджум не знала, что ответить, а потому промолчала.

— Давно хотел на тебя посмотреть. Странно, что он в тебе нашел! Кульзум говорила правду.

— Кульзум? — повторила девочка.

— Да! И лучше не попадайся ей на глаза! Потому что она только и мечтает, как бы выйти замуж за Идриса. — Мальчик хохотнул и добавил: — На тебе-то он никогда не женится. Он просто развлекается с тобой! Хотя пока еще и не в том смысле, в каком надо.

Анджум посетило крайне неприятное чувство. Она понимала, о чем говорит незнакомец. В оазисе, где вся семья ночует в одном шатре, а животные зачастую гуляют на свободе, тайна взаимоотношения полов рано перестает быть тайной.

Вместе с тем она чувствовала, что помыслы Идриса чисты. Просто в их судьбе — несмотря на разницу в происхождении, имущественном положении и поле — нашлось что-то общее.

Между тем мальчик продолжил:

— Ты слишком много о себе возомнила! И ты поплатишься за это!

— Что тебе нужно от моей сестры, Кабир? — услышала Анджум и, повернувшись, увидела Идриса: он приближался с другой стороны.

Мальчик, которого звали Кабиром, тут же попятился. В выражении его лица промелькнуло что-то нехорошее — смесь зависти, бессилия и злобы, и девочка подумала, что у Идриса в оазисе есть враги, хотя едва ли его честное благородное сердце было способно в это поверить.

— Ничего не нужно.

— Тогда иди своей дорогой, — сын шейха произнес это властно и твердо.

Кабир убрался прочь, но при этом несколько раз оглянулся, словно шакал, которому пригрозили камнем.

— Это мой двоюродный брат и родной брат Кульзум, — пояснил Идрис. — Если он станет к тебе приставать, пожалуйста мне, хотя... завтра я уезжаю.

Кругом стоял палящий зной, но девочка ощутила, как в душу заползает холод.

— Завтра?!

— Да, — быстро произнес он и добавил: — Пойдем, нам надо поговорить.

— Я не могу, мне нужно работать; я без того задержалась! — взмолилась она.

— Тебе тяжело? — спросил мальчик.

— Нет, — солгала Анджум, — но сегодня первый день, и я...

— Приходи вечером на край оазиса, — перебил Идрис, в манерах которого появилось что-то новое. — Надеюсь, я смогу вырваться, чтобы напоследок повидаться с тобой.

Девочка молча кивнула. Она боялась, что расплачется. Он оставлял ее наедине с этой жизнью, а сам уходил в другую.

Идрис не помог ей донести бурдюки: все-таки он понимал, как должен вести себя сын шейха.

Когда Анджум вернулась на кухню, ее как следует пробрали за задержку, и, испугавшись быть с позором изгнанной в первый же день, она прилежно, ни на что не отвлекаясь, работала до самого вечера.

Ей велели прийти завтра, и она поспешила домой. Ноги гудели, руки ныли, а желудок был пуст.

Над бедуинскими шатрами поднимался густой сизый дым: женщины пекли лепешки. Девушки шли от колодца, перебрасываясь шутками с парнями, которые гнали скот. Всюду носились чумазые голые ребятишки.

Анджум нашла мать возле шатра. Халима, успевшая перемешать в большой деревянной миске муку, воду и соль, отрезала куски густого теста и, ловко перебрасывая их с одной руки на другую, придавала им плоскую форму.

Она кивнула дочери, которая присела рядом и принялась ждать, когда лепешки, положенные на изогнутые жестяные листы, под которыми горел огонь, приобретут золотисто-коричневую окраску.

Халима не стала спрашивать дочь, понравилось ли ей на новом месте, она лишь повторила:

— Старайся быть послушной. Все это — ради твоего будущего.

— Знатный человек все равно не женится на мне! — не удержалась Анджум.

— Знатный — нет. Но слуги шейха живут несравненно лучше простых бедуинов. Кто из них может обратить на тебя внимание.

Анджум ничего не ответила. Она боялась не успеть на встречу с Идрисом, потому схватила первую же готовую горячую лепешку и поспешила на край оазиса, обжигаясь и на ходу жуя.

Многие мужчины уже расположились возле своих шатров. Они сидели на кошмах, а то и просто на песке, скрестив ноги и попивая чай, а некоторые — кофе. Они наслаждались драгоценным отдыхом после целого дня напряженной работы, тогда как женщинам было еще далеко до покоя.

Дети хотели, чтобы их накормили, овцы и козы требовали дойки. Потому оазис был полон суеты. Полная тишина наступит только тогда, когда по усеянному звездами небу поплывет похожий на диковинную лодку серебристый лунный серп.

Дойдя до привычного места, Анджум принялась смотреть на ограниченный горизонтом мир. Сейчас дали виделись четко, не так, как днем, хотя воздух по-прежнему искрился от поднятых ветром мельчайших песчинок.

Утомленная дневной работой, девочка сидела и ждала. Ждала, когда вечернее солнце окрасит пустыню в красноватый цвет, отчего та делается похожей на гигантское медное блюдо, когда из зарослей альфы пригонят последний скот. Когда придет Идрис.

Анджум было трудно представить, что завтра и послезавтра, и еще много-много дней он уже не появится, даже если она станет ждать его от зари дотемна.

Но сегодня Идрис пришел, причем с каким-то узелком. Остановился (девочка глядела на него снизу вверх), потом присел на корточки и развернул тряпицу. Внутри оказался великолепный кусок баранины, благоухающий приправами и еще теплый.

— Сегодня праздник в честь моего отъезда. Это тебе.

Не выдержав, Анджум вцепилась зубами в мясо. Некоторое время Идрис молча наблюдал за ней, а потом сказал:

— Прости, что не дал тебе другую работу. У меня нет такой возможности, потому что в гареме, да еще служанками, команду не я.

— Я и не заслуживаю ничего другого.

Сын шейха смотрел вдаль.

— Чего мы заслуживаем на самом деле, знает только Аллах. Деяния и помыслы каждого человека записаны еще до сотворения мира. — Он сделал паузу, потом сказал: — Не бойся Кабира. Подлые люди зачастую трусливы. Просто держись от него подальше. Береги себя. Время пройдет быстро — скоро мы снова увидимся.

Анджум подумала, что, когда он вернется, ему уже будет не до нее. Сын шейха ненадолго впустил ее в свой мир, где были стихи из Корана, причудливая вязь арабского письма, неспешные прогулки, полные смысла слова и мудрые мысли. Однако всему приходит конец.

Идрис повернулся и, как было принято, не оглядываясь, пошел назад, а Анджум немного задержалась. Зачерпнув горсть золотистого песка, она завороченно смотрела, как песчинки просеиваются сквозь пальцы и от них не остается даже следа.

Можно ли найти счастье среди пустыни? Наверное, тот, кто задумывается об этом, уже несчастлив, как несчастлив каждый мечтающий о несбыточном.

Ночью Анджум спала крепко — сказала дневная усталость, зато утром выбралась из шатра еще до рассвета: она боялась прозевать отъезд Идриса.

Сына шейха сопровождал караван из пяти верблюдов, на первом из которых уже сидел погонщик. К седлу одного животного была привязана веревка, конец которой прикреплялся к недоузду другого и так далее. На шее каждого из них висел особый медный колокольчик. По ритму перезвона можно было, не оглядываясь, определить, все ли в порядке в караване.

Появился шейх Сулейман, Идрис и другие мужчины, все в белых бурнусах и куфиях, сосредоточенные и строгие. Анджум впервые заметила возле губ отца своего друга резкие складки, а в его бороде — серебряные нити. Бедуины, будь они бедными или богатыми, озабоченными ли бесконечными каждодневными делами или отягощенные ответственностью за судьбу племени, старились рано.

Девочка робко стояла позади толпы женщин, чья одежда отличалась чистотой, сандалии имели сложный переплет, волосы были украшены монетками, брови подведены, ресницы насурьмлены, а ладони окрашены хной.

Служанок гарема отъезд сына шейха интересовал мало: по утрам на них наваливалось слишком много работы. Ей тоже нельзя было здесь находиться, но она умудрилась улизнуть из кухни.

Анджум показалось, что Идрис высматривает кого-то в толпе, но даже если он искал именно ее, то она стояла чересчур далеко, и ее скрывали фигуры других женщин.

Сын шейха отправлялся в город не на верблюдице, а на коне. Айне предстояло ждать возвращения своего хозяина. Он легко вскочил в седло и выпрямился, высоко подняв голову. Но хотя его осанка была чрезвычайно гордой, в нем не ощущалось высокомерия.

Анджум закусила губу, стараясь сдержать слезы. Вместе с Идрисом ее покидал дух свободы и чувство чего-то сокровенного.

Караван тронулся. Глядя на постепенно исчезавшее облако пыли, девочка начинала понимать, что общение с Идрисом было последним подарком уходящего детства. Когда он вернется, то будет уже другим. Она тоже изменится. Ее судьба должна стать такой же, как судьбы других бедуинок из бедных семей.

Анджум оставалось только надеяться, что ее не выдадут замуж до того, как Идрис приедет обратно в оазис. Отчего-то ей была неприятна мысль о том, что, вернувшись, он может увидеть ее с мужем, а то и с ребенком.

Впрочем, на все воля Аллаха. В любом случае время будет увеличивать расстояние между нею и Идрисом, которое постепенно станет неодолимым. Как это случилось с Байсан.

Миновав арабский квартал, Фернан Рандель ступил на улицу, где можно было встретить исключительно европейцев: офицеров и штатских, а также дам в светлых нарядах и изящных шляпках.

Здесь находилось несколько кафе, где любили встречаться французы. Разумеется, эти заведения отличались от тех, какие можно увидеть в Париже: они представляли собой небольшие беседки, обнесенные решетками, увитыми вьющимися растениями. Столики и плетеные кресла были очень просты, зато отсюда открывался великолепный вид на переливчатую поверхность моря. В этих кафе подавались устрицы, кофе и красное вино, которое делали монахи-трапписты, чей монастырь находился неподалеку.

Фернан замедлил шаг, прикидывая, не зайти ли в одно из таких заведений, чтобы посидеть и подумать, но тут его внимание привлекла одна из лавок, где продавались европейские товары.

В витрине сидела чудесная кукла с искусно раскрашенным фарфоровым лицом и роскошными золотистыми волосами, одетая в платье розового муслина с кружевами и лентами. Фернан не представлял, откуда здесь могла взяться такая красавица. Наверное, ее привезли из Парижа.

Париж! На мгновение майор закрыл глаза. Здесь не было ни единого дня без солнца, а там... Он вспомнил пасмурное небо, туман и прохладу, запах сырости, идущий от Сены. Он

не мог сказать, хочет ли вернуться туда, но знал, что это невозможно, так же, как попасть в прошлое.

Подумав о своем детстве, в котором не было игрушек и вообще ничего своего, он решительно вошел в лавку.

Ситуация с Жаклин тревожила майора. С тех пор, как Франсуаза с девочкой едва не угодили под колеса повозки, женщина решительно отказалась выводить ребенка за пределы дома и сада. Маленькая арабка часами сидела в отведенной ей комнате или одиноко блуждала среди растений, так, словно не понимала, где находится, и Фернан все больше думал о том, что рано или поздно девочка просто зачухнет.

Новый дом оказался далеко не таким просторным, как прежний, но Франсуаза не унывала. Она обставила его без всякой вычурности, и Фернана это вполне устраивало. Женщине очень нравилось, что в саду все цвело, что там были посыпанные гравием дорожки и миниатюрный фонтан. Здесь Жаклин могла бы весело проводить время. Но маленькая бедуинка не хотела резвиться и играть.

Звякнул колокольчик — Фернан вышел из лавки под палящее солнце с куклой в руках. Почему-то он сразу решил, что ее нужно назвать Натали.

Подойдя к особняку, мужчина подумал о том, что, хотя в их доме и появился ребенок, детского смеха так и не было слышно.

Разморенная жарой Франсуаза сидела на террасе в плетеной качалке и обмахивалась веером. На вопрос Фернана, где Жаклин, она небрежно махнула рукой в сад.

Развернувшись, майор сошел с террасы. Куклу он предусмотрительно оставил на скамейке снаружи: почему-то ему не хотелось, чтобы подарок девочке вручала Франсуаза. Он желал сделать это сам. И вовсе не потому, что надеялся завоевать ее привязанность. Он просто чувствовал, что так будет правильнее.

Жаклин стояла у фонтана и, не мигая, смотрела на воду. Наверное, бесконечное движение струй драгоценной влаги казалось ей волшебным.

Фернан подумал, что когда она вырастет, станет настоящей красавицей: волосы, несмотря на то, что сейчас они коротко острижены, — блестящие и густые, кожа отливает карамелью, брови — будто нарисованные, и все лицо — как камень. И тут же задал себе вопрос: а та, другая, ее сестра-близнец, разделившая эту красоту, жива ли она?

— Жаклин! — позвал он, и ребенок оглянулся.

То, что девочка откликается на новое имя, Фернан считал большим достижением.

— Вот! — он протянул ей куклу. — Это тебе.

К его изумлению, Жаклин отшатнулась и закричала от страха. Она замахала руками, а потом закрыла ими свое лицо.

Фернан догадался, в чем дело. Девочка никогда не видела кукол! Если она и играла, то с какими-то тряпочками, палочками и камушками. У него защемило сердце, и он произнес как можно мягче:

— Не бойся! Она не настоящая. То есть настоящая, но не живая. Но и не мертвая. Это игрушка. Ее зовут Натали. — Несколько мгновений Фернан мучительно соображал, что можно делать с куклами, а потом сказал: — Ты можешь раздевать и одевать ее, причесывать, кормить, разговаривать с ней. Заботиться о ней. Сделать своей подружкой. Ты способна сама вдохнуть в нее жизнь.

Он посадил куклу на скамейку возле фонтана, надеясь, что через какое-то время Жаклин перестанет бояться и заинтересуется игрушкой.

Растерянный и огорченный, Фернан вернулся на террасу.

— Я купил Жаклин куклу, но она ее испугалась, — признался он жене.

Франсуаза не удивилась. Она сказала:

— Нам с ней не справится. Домашнее образование не поможет. В лучшем случае мы получим плохо обученную обезьянку. Потому я решила отдать Жаклин в закрытое заведение. В пансион.

Фернан едва не потерял дар речи.

— Ты хочешь отправить ее в Париж?!

— В Париж? — Франсуаза фыркнула. — Я сама никогда не была в Париже! Нет. Я узнала, что такой пансион только-только открылся здесь, потому что многие дамы хотят уберечь своих дочерей от влияния армейской среды, да и от местной культуры. К ведению занятий и воспитанию детей привлечены монахини и несколько светских воспитательниц.

— Но Жаклин — не европейка. Она даже не знает французского! Ее не примут.

— По документам она — наша дочь. К тому же мы щедро оплатим ее воспитание и обучение.

— Но как ты сумеешь объяснить все это в пансионе?!

Франсуаза сверкнула глазами.

— Не было случая, чтобы я что-нибудь не придумала.

— Но если она вырастет не в нашем доме, а в закрытом заведении, тогда тем более никогда не признает нас за родителей, — задумчиво произнес Фернан.

— Мы станем навещать ее по воскресеньям и забирать к себе. К тому же не существует вещей, которые нельзя внушить человеку. Тем более, если за дело возьмутся монахини. Кстати, они приобщат Жаклин к новой вере. Пройдет время, и ты убедишься, что я была права.

— Не знаю, — с сомнением промолвил майор, и Франсуаза призналась:

— А еще я боюсь арабских слуг. Они с легкостью признают в ней свою. Если кто-то из этих женщин заговорит с Жаклин?! Я не могу вечно прятать от них девочку.

Пользуясь своим служебным положением, Фернан взял в охранники молодого солдата. С садовником и конюхом все тоже устроилось, а вот найти женскую прислугу из числа белых было практически невозможно, потому каждый день в дом являлись две молчаливые, облаченные в длинные одежды, обвешанные дешевыми украшениями женщины с мрачным взглядом черных глаз. Они быстро, хотя далеко не всегда хорошо, выполняли порученную им работу и уходили, получив несколько мелких монет.

Всякий раз после этого Франсуаза заговаривала с мужем о том, чтобы нанять белых слуг.

— Где я их возьму? — разводил руками майор.

— Выпишем из Франции.

— Да кто сюда поедет! К тому же нельзя нанимать людей, не глядя. В этом случае не стоит полагаться ни на какие рекомендации.

Пока супруги разговаривали, оставшаяся одна девочка опасливо разглядывала куклу. Жаклин пугало неподвижное лицо игрушки, ее немигающие глаза. Сперва ей почудилось, будто этот мужчина, говоривший на ее родном языке, но как-то странно произносивший слова, зачем-то принес ей мертвого ребенка!

Его объяснения показались правдивыми: кукла была и настоящей, и не настоящей, и не живой, и не мертвой.

В этом мире, куда маленькая арабка попала неизвестно как, все вещи казались непонятными и странными. Белые люди называли ее Жаклин, но девочка чувствовала, что прежде у нее было другое имя. И что она жила в совершенно ином месте.

Приблизившись к скамейке, Жаклин осторожно дотронулась до игрушки и быстро отдернула руку. Гром не грянул, и ничего не произошло. Тогда девочка пощупала платье куклы, провела по ее волосам. Подружка? Но что толку от вещи, которая все равно тебе не ответит! Жаклин знала, что такое забота, но разве кукла в чем-то нуждалась?

Вздыхнув, девочка присела на корточки. Между ней и Натали существовало нечто общее: они обе были одинокими в этом саду, в этом доме, в этой жизни.

Жаклин встала, взяла куклу и прижала к себе. И тут же почувствовала, что ей стало намного легче.

[1] Коран, 17:14.

[2] Нория — водокачка, черпаковый подъемник. Высота подъема обычно до 25 м.

[3] Использованный в тексте фольклор жителей пустыни заимствован из книги Маргерит Таос-Амруш «Волшебное зерно». М., 1974, пер. с франц. Г.В. Суловой.

[4] Коран, 9: 51.

[5] Коран, 9:38.

[6] Коран, 47:16,17.

Глава седьмая

Глава седьмая

Собираясь в пансион, Франсуаза Рандель тщательно продумала свой туалет. Она должна была выглядеть благородной, скромной и вместе с тем состоятельной дамой. Глядя в зеркало, она меняла выражение лица от неприступного, замкнутого, высокомерного до беспомощного, мягкого и открытого. Она надела простое темно-синее платье, туго стянула волосы со лба и висков и свернула их на затылке тяжелым узлом. А вот серебряные серьги и узкое кольцо были сверкающими, затейливыми.

Ей понравился внешний вид пансиона с гладкими стенами и небольшим внутренним двором. Здание казалось надежно огороженным от остального мира. В просторном вестибюле было прохладно и, к счастью, здесь витал аромат благовоний, а не запах дешевой еды, как это бывает в иных заведениях. Из узких окошек струился золотистый свет; звук шагов по каменным плитам пола отдавался под потолком гулким эхом.

Провожая Франсуазу и Жаклин к старшей монахини, одна из воспитательниц, на вид типичная миссионерка, немного рассказала о пансионе. При нем имелась собственная маленькая молельня, в дортуаре стояло двадцать кроватей, большинство из которых еще не было занято, в классных комнатах имелись учебники, а также грифельные доски и мелки, а меню столовой отличалось разнообразием. Плату можно было вносить частями.

Кабинет руководительницы пансиона, сестры Доротеи, был обставлен с элегантной простотой. Здесь были книги не только церковного содержания, а также многочисленные папки с документами, что свидетельствовало о серьезности ведения дел.

Франсуаза указала Жаклин на диван, где та осталась сидеть, как истукан, прижимая к себе куклу, а сама опустилась на стул, стоявший перед столом сестры Доротеи.

Представившись и изложив свою просьбу, женщина добавила:

— Вы можете говорить при Жаклин, она не понимает по-французски.

Монахиня в замешательстве смотрела на эту явно не беспомощную, волевою женщину, чей загар выглядел вызывающим, а взгляд темных глаз ни на мгновение не отпускал собеседника.

— Эта девочка — ваша дочь? — с сомнением уточнила сестра Доротея, переведя взор на Жаклин.

— Я скажу вам правду, — Франсуаза в волнении сжала руки, — она потеряла родителей, и мы с мужем решили ее удочерить. Мы нашли девочку в пустыне, она умирала, а вдобавок ничего не помнила о своем прошлом. Я сразу решила, что это знак свыше: Господь послал нам ребенка, которого у нас не было и не могло быть. Мы с мужем полюбили ее всем сердцем. К сожалению, мы переоценили свои возможности в том, что касается ее обучения и воспитания, потому обращаемся к вам. Я готова щедро платить за дополнительные занятия французским и за повышенное внимание к моей дочери. Мы с мужем не хотим, чтобы она оставалась безмолвной вещью; вдобавок ее душу необходимо озарить светом истинной веры.

— Почему у нее острижены волосы?

— Мы не смогли расплести косички, — призналась Франсуаза и добавила: — Она... она была такой чужой, но мы все же решили попытаться изменить ее будущее.

— Взяв эту девочку к себе, вы поступили благородно, не отрицая. Вы желаете сделать из нее европейку? — спросила монахиня, думая о том, что это невозможно.

У Франсуазы загорелись глаза, и она коротко ответила:

— Да!

Сестра Доротея не знала, что сказать. Заведение открылось совсем недавно, и, если родители будущих воспитанниц узнают, что сюда приняли арабку, это пагубно скажется на

репутации пансиона. Но с другой стороны, монахиню тревожила эта девочка, потерявшая и настоящих родителей, и память. Лицо маленькой бедуинки было неподвижным, в ее глазах не мелькало и проблеска света.

Сестра Доротея хорошо знала людей, и она не видела между этой женщиной и этим ребенком ни малейшей внутренней связи. Державшая в руках куклу Жаклин сама была куклой для мадам Рандель.

Монахиня чувствовала, что должна принять арабку в пансион хотя бы для того, чтобы забрать ее у этой женщины. Возможно, люди и не одобрили бы такого поступка, но Бог наверняка согласился бы с этим.

— А где сейчас ваш муж, мадам Рандель? — на всякий случай поинтересовалась сестра.

— На службе. Но он тоже станет навещать Жаклин.

— Документы подпишете вы?

— Да, я. И я готова внести плату вперед за несколько месяцев, а также сделать щедрое пожертвование вашему пансиону.

Сестра Доротея не собиралась произносить слова благодарности, хотя, наверное, это следовало сделать. Мадам Рандель поставила перед ней слишком много задач и проблем.

Монахиня посоветовала Франсуазе навестить приемную дочь не раньше, чем через месяц, пообещав женщине немедленно известить ее в случае чего-то непредвиденного. Она сказала, что занятия в классах начнутся на следующей неделе, а пока Жаклин будет полезно познакомиться с другими детьми и немного привыкнуть к установленным в пансионе порядкам. После чего решительно взяла девочку за руку и повела за собой.

Франсуаза не обняла и не поцеловала ребенка. Она лишь проводила девочку задумчивым и отчасти облегченным взглядом. А Жаклин даже не оглянулась.

В дортуаре были высокие окна и красивые светлые занавески. Он был полон воздуха и света. Ряды аккуратно застеленных кроватей, маленькие столики и нарядные коврики радовали глаз.

Когда сестра Доротея вошла в комнату, воспитанницы, которых пока было всего шестеро, вразнобой поздоровались с ней.

Девочки сгруппировались в углу дортуара и, по всей видимости, собирались заняться какими-то своими делами, но теперь молча, внимательно, с нескрываемым любопытством разглядывали Жаклин и ее куклу, а маленькая арабка настороженно следила за ними.

Сестра Доротея была умной женщиной, а потому сказала:

— Эта девочка долгое время жила в другой стране и поэтому пока не говорит по-французски. Но в целом она такая же, как вы. Не пугайте ее, а постарайтесь с ней подружиться.

— А почему у нее короткие волосы?

— Она болела, и ее пришлось остричь, — подумав, ответила монахиня.

— У нее красивая кукла, — сказала одна из воспитанниц, чье лицо обрамляли зазорные белокурые локоны.

— Да. Возможно, Жаклин позволит вам с ней поиграть. Но вы не должны забывать, что это ее вещь. Примите девочку в игру, так она быстрее научится языку.

Светловолосая девочка осторожно протянула руки к кукле.

— Можно?

Жаклин подобралась и даже сделала шаг назад. Но потом взгляд ее темных, как ночь, глаз столкнулся с взглядом девочки, чьи глаза казались кусочками дневного неба, и она почувствовала, что взамен позволения взять Натали ей предлагают нечто бесценное. Доверие, понимание, дружбу.

Маленькая арабка отдала игрушку, и девочки тут же занялись ею. У них тоже были куклы, хотя не такие красивые и дорогие; зато у одной из воспитанниц имелся миниатюрный фарфо-

ровый сервис, а у другой — целый ворох кукольной одежды, сшитой заботливыми материнскими руками.

Жаклин с изумлением наблюдала, как игрушки оживают в руках девочек и начинают разговаривать, шевелиться, совершать какие-то действия. И не важно, что дети говорили за них, двигали их руками и ногами. Все это было как будто по-настоящему.

Вскоре ей тоже дали чью-то куклу и поручили какую-то роль. Увлеченные игрой девочки не обращали внимания на то, что она не знает их языка, запросто обращались к ней, и спустя какое-то время Жаклин уже запомнила несколько французских слов.

Зазвенел колокольчик, и девочки быстро рассадили кукол на кровати, а белокурая воспитанница с красивым именем Ивонна потянула арабку за рукав.

— Пойдем!

Та уже знала, что это означает, и без колебаний последовала за новой подругой.

Оказалось, их позвали на второй завтрак, в такую же большую светлую комнату, где были столы и стулья, которые девочки без промедления заняли.

Воспитанницы не переставали болтать, пока не появилась строгого вида монахиня с молитвенником в руках. Тогда все совершили какие-то странные действия и произнесли явно заученные слова. Жаклин ничего не делала, она лишь следила за другими, но никто не обратил на это внимание.

Потом девочки вновь расслабились, а когда появилась еда, оживились. Подавали булочки с маслом, мармелад, мед и молоко: простую еду, которой Жаклин осталась очень довольна.

После воспитанниц вывели в сад. Здесь были цветущие кусты и засаженные травой лужайки, пестрые клумбы и лиственные деревья, из густых крон которых доносился стрекот цикад. В саду привыкшие к сдержанному поведению и сковывающей движения одежду девочки могли побегать и порезвиться.

Жаклин не двигалась, она только наблюдала за другими, пока все та же Ивонна не вовлекла ее в какую-то игру.

Так началась ее жизнь в пансионе. С великим трудом сестра Доротея нашла подходящего учителя. Он приходил каждый день и уединялся с Жаклин в отдельной комнате. Девочка быстро поняла, что пока она не выполнит необходимую часть упражнений и не выучит положенное количество слов, ее не отпустят к новым подругам.

В их кругу она запоминала еще больше фраз и старалась повторять действия детей в классе и в столовой. Если Жаклин в чем-то ошибалась и чего-то не понимала, сестра Доротея и другие воспитательницы мягко поправляли ее и объясняли, как и что надо делать.

Многие полюбили эту ни на кого не похожую девочку с необычной судьбой, хорошо относились к ней, и маленькая арабка не чувствовала себя обездоленной.

Жаклин не ощущала утраты, напротив, ее поглотило чувство новизны и полноты жизни. Она не любила оглядываться назад, потому что там зияла странная пустота, и понемногу училась радоваться настоящему. Прошлое казалось утонувшим во тьме, тогда как в настоящем царил свет. Что касается будущего, о нем Жаклин пока не задумывалась. В конце концов, то были почти ничем не омраченные солнечные мгновения детства, беззаботное, щедрое на восторги время.

Вскоре в пансион начали пребывать новые воспитанницы, но поскольку Жаклин была в числе первых и у них сложился свой кружок, несмотря на некоторые особенности поведения и внешности, ее воспринимали как равную. Не было ни презрения, ни подозрений, ни насмешек, тем более все девочки были из хороших семей, воспитанные, порой даже слишком скованные, потому что их с раннего детства приучали вести себя подобно маленьким женщинам.

Ивонна была куда живее и общительнее остальных. Она привязалась к Жаклин; отчасти из-за Натали, а еще потому, что арабка была такой необычной.

В дортуаре их кровати стояли рядом, и Ивонна завела привычку, когда все улягутся спать, шептаться с новой подружкой, благо та все лучше и лучше понимала по-французски.

— А кто твои родители? Как зовут твою маму? — однажды спросила она.

Жаклин промолчала, и Ивонна решила, что та не поняла вопроса. На самом деле, девочка просто не знала, что ответить.

Спустя три недели в пансион наведалься Фернан Рандель. На всякий случай он решил проведать Жаклин раньше своей супруги.

Впервые увидев приемного отца маленькой арабки, монахиня удивилась. Она ожидала увидеть мужчину, безнадежно испорченного войной. Однако собранность и строгость майора не скрывали его человечности. А еще сестре Доротее почудилось, будто за внешней суровостью Фернана Ранделя таится пронижительное, на грани отчаяния одиночество.

Она предложила ему присесть, и, поблагодарив, мужчина опустился на стул. Монахине казалось, что Фернан Рандель ждет от нее каких-то конкретных выводов и советов, потому на вопрос о том, как дела у Жаклин, она ответила:

— Вы сами знаете, что с девочкой не все ладно. Потеряв родных и память, она перенесла тяжелую душевную травму и сейчас пытается найти некую точку опоры. Ей приходится делать это в чужом, незнакомом мире. Как всякий ребенок, она постепенно оправится, но станет иной. То есть, в какой-то степени, это будет уже не она. Вас это не волнует?

— Волнует. Но я не знаю, что нужно делать.

— Что-то подсказывает мне, что лично вы не собирались удочерять эту девочку.

— Это была прихоть моей жены, — признался майор. — А моя супруга весьма своеобразный человек. Даже прожив с ней немало лет, я далеко не всегда ее понимаю.

— Насколько я мне известно, вы спасли этого ребенка? — уточнила монахиня, и Фернан вскинул удивленный взор.

Что наплела Франсуаза сестре Доротее?! Не зная этого, он уклонился от прямого ответа:

— Можно сказать и так. Я пытался вернуть девочку в ее мир, но, по-видимому, ее родные погибли.

— Значит, обратного пути не существует, и надо думать, как двигаться вперед, — с долей суровости произнесла монахиня. — Рано или поздно вы заберете Жаклин из пансиона. А пока она должна, — сознавая, что это не совсем правильное слово, сестра Доротея слегка споткнулась, — научиться видеть в вас своих родителей.

— И как этого добиться?

— Прежде всего — любовью. Вспомните свою семью, мать и отца, их отношение к вам.

— Я вырос сиротой.

— Почему? — с искренним сочувствием поинтересовалась сестра Доротея.

— Отец погиб на войне, а мать умерла. Я не знаю, как заслужить или завоевать расположение ребенка.

— Не надо делать ни того, ни другого. Просто протяните некую ниточку от себя к ней. Попробуйте испытать сочувствие, жалость... Все, что делается от чистого сердца, свято и нерушимо. Самое главное в нашей жизни чувство обладает способностью помогать нам во всем. Ведь вы наверняка кого-то любите или любили.

Фернан задумался, после чего нерешительно произнес:

— Мне кажется, даже такое, как вы говорите, святое чувство, как любовь, способно претерпеть множество изменений.

— Вы правы, — спокойно подтвердила монахиня и добавила: — Но я открою вам секрет: любовь к ребенку, своему ребенку, не меняется. Это Божий подарок на всю жизнь.

— Мне бы хотелось в это верить, — вздохнул Фернан, и сестра Доротея заметила:

— Конечно, для вас это будет нелегкий труд. Но, поверьте, он того стоит! Сейчас я приведу Жаклин. Говорите с ней по-французски: она многому научилась. — И заметила: — В ней

сохранилась некая диковатость, но это придает ей своеобразие, скажу больше — очарование. Я не хотела брать ее в пансион, но теперь изменила свое мнение.

— Других детей не смущает, что Жаклин принадлежит к иному народу? В нашем обществе бытует мнение, что каждый должен жить среди равных себе.

— Воспитанницы этого не понимают и не задумываются об этом.

— А их родители?

Сестра Доротея улыбнулась.

— Они навещают *своих* детей. И потом внешне Жаклин не так уж сильно отличается от остальных воспитанниц, особенно когда на ней европейская одежда. Просто она немного смуглее, чем другие девочки, вот и все. Так вы хотите ее увидеть?

— Конечно. За этим я и пришел.

Сестра Доротея ушла за ребенком, и Фернан получил мгновение передышки. Он задумался. До сего времени его смущала непреодолимая и таинственная преграда, воздвигнутая природой между двумя расами, но сейчас он задумался о другом: сможет ли он полюбить Жаклин, а она — его? Много лет он руководствовался рассудком; сумеет ли теперь испытать глубокое, сильное, искреннее чувство — ведь оно не возникает по прихоти и не рождается по заказу!

Монахиня привела девочку. На ней было светло-серое платье, накрахмаленный передник, белые чулки и черные туфли.

При этом ее глаза были темнее и больше, чем у других детей, ресницы — длиннее, волосы — гуще, губы — ярче. Она манила и покоряла своей экзотической красотой.

Жаклин слегка присела и застенчиво промолвила:

— Здравствуйте, отец.

Было ясно, что такому обращению ее научила сестра Доротея, и все-таки у Фернана перехватило горло, а по телу разлилась жаркая волна. Он чувствовал, как в его душе растопилось что-то застывшее, смягчилось нечто жесткое: сомнения исчезли, зародилась вера.

На самом деле, заставить Жаклин назвать майора именно так, было довольно просто. Девочке уже было известно, что святым *отцом* называют кюре, и она полагала, что, возможно, и тут имеется в виду нечто подобное. Во всяком случае, она никак не связывала такое обращение с родственными чувствами, но Фернан об этом не знал.

— Я оставлю вас, — сказала сестра Доротея и вышла из кабинета.

— Тебе здесь хорошо? — нерешительно произнес Фернан.

Девочка кивнула.

— Натали с тобой?

— Да.

Соображая, о чем у нее спрашивают, Жаклин ненадолго задумывалась, однако в целом она уже неплохо выучила язык. Фернан воспрянул духом.

— У нас есть конюшня, а в ней — лошади! Ты хочешь их увидеть?

На самом деле, Жаклин желала остаться в пансионе, где чувствовала себя в безопасности и нашла подруг, но она не смела возражать взрослым, потому как уже поняла, что именно они решают все.

Фернан заметил, что лицо девочки выглядит чересчур неподвижным, гладким и холодным. Жаклин была лишена привычных для ребенка эмоций, и это настораживало.

Когда майор поделился своими тревогами с вернувшейся сестрой Доротеей (та рассудила, что нескольких минут для первого свидания будет достаточно), монахиня заверила, что со временем девочка станет такой, как другие дети.

— Просто вокруг нее очень много непривычного, незнакомого. Вы же видите, как сильно она изменилась, и с каждым разом станете замечать все новые результаты ее воспитания.

Она на мгновение положила ладонь на макушку Жаклин, а та неожиданно повернула голову и доверчиво посмотрела на монахиню. Фернану почудилось, что на лице девочки мелькнула тень улыбки, и у него потеплело на душе.

Когда майор рассказал Франсуазе о посещении пансиона и о произошедших с Жаклин переменах, женщина так обрадовалась, что тут же предложила взять девочку домой в ближайший воскресный день.

Она накупила сладостей, заставила Фернана приладить в саду качели и на всякий случай велела оседлать одну из смиренных лошадей.

Фернан не забыл сказать жене:

— В первую очередь ты должна заботиться о Жаклин, а не о себе.

Франсуаза выглядела удивленной.

— Ты думаешь, я не знаю?

— Просто я не хочу, чтобы ты считала ее игрушкой. Она — живой человек.

— Я это понимаю, — с некоторым раздражением произнесла Франсуаза, но Фернан не отступал:

— Не она должна поступать так, как ты хочешь, а тебе стоит научиться угадывать ее желания.

— Полагаю, со временем это должно стать взаимным, — ответила женщина, и майор немного успокоился.

Хотя они вышли из дома довольно рано, жара уже наступала на побережье. Склоны холмов, казалось, потрескались от раскаленного воздуха. Кружевные оборки шелкового зонтика Франсуазы трепал знойный ветер. В середине пути супруги все же остановили местную коляску с развевающимися занавесками, защищенную крышей, и забрались внутрь.

По дороге Фернан размышлял о детях. Они были почти у всех из его сослуживцев, многие из которых прибыли в этот южный край уже с семьями. Только он не знал, каково это, когда сын или дочь бросается в твои распахнутые объятия и прижимается к твоей грубой запыленной форме!

Сумеет ли он стать хорошим отцом? Сможет ли Жаклин вести себя так, как другие дети? И в нем, и в ней надо было возродить искру жизни, и Фернан не был уверен в том, что это удастся сделать.

Привезя Жаклин домой, Франсуаза ходила вокруг да около нее, но не решалась о чем-то заговорить или к чему-то приступить. Девочка не была голодна, потому что недавно позавтракала. Качели тоже не произвели на нее впечатления. И тогда Фернан решил отвести ее на конюшню.

Прежде Жаклин не показывали ни конюшни, ни лошадей, потому как думали, что она может испугаться животных.

Здесь пахло соломенной трухой и нагретым солнцем деревом. Лошади мирно хрустели сеном, изредка всхрапывая, прядая ушами, скидывая хвосты и потряхивая гривами.

В этом месте Франсуаза всегда ощущала себя в своей стихии. Подойдя к оседланному смирному коню удивительно красивой золотистой масти, она положила ладонь на его бархатистую шкуру.

— Его можно погладить, — сказал Фернан Жаклин и осторожно протянул ее ладошку к боку коня.

Он заметил, как ожило лицо девочки, озарилось тем самым внутренним светом, какого он не чаял увидеть.

Повинуясь неожиданному порыву, Фернан приподнял ребенка и усадил на спину коня.

Жаклин затаила дыхание. Ее глаза блеснули. Она ушла куда-то в себя, на ее губах появилась легкая улыбка. Быть может, она мысленно общалась с лошадью или ее душа унеслась туда, где пусть и не было памяти, но остались какие-то чувства.

— Она ничуть не боится! — восхитилась Франсуаза. — Совсем как я!

Это было неудивительно: ведь Жаклин росла рядом с животными и с раннего детства привыкла ездить на верблюде.

— Когда-нибудь мы будем скакать вместе, как две амазонки! — продолжила женщина, и майор встревожился.

Ездить на лошади так, как это делала его жена, граничило с безумием. Вместе с тем он был доволен тем, что у Жаклин и Франсуазы нашлось что-то общее.

Франсуаза перерыла весь город, но нашла альбом, где красовались цветные рисунки лошадей различных пород, были описаны способы дрессировки и показана амуниция. Каждое воскресенье, забрав Жаклин домой, она читала девочке эту книгу и показывала иллюстрации, а потом они шли на конюшню, смотрели на лошадей, выводили одну из них во двор, и женщина катала ребенка по дорожкам сада.

Всему остальному, говорила Франсуаза, девочку научат и в пансионе, а тут — их мир, их стихия. Даже конюха на это время отсылали куда-нибудь подальше.

Фернан не спорил, но у него была одна тайна, которой он не делился со своей женой. Ему первому Жаклин стала давать свою маленькую, теплую, нежную ладошку и пусть застенчиво и тихо, пусть по подсказке или принуждению сестры Доротеи называть его отцом, от чего по телу майора всякий раз пробегала дрожь.

От обращения к Франсуазе она уклонялась, но женщина словно не замечала этого.

Фернан радовался тому, что отныне жена выглядела жизнерадостной, увлеченной, но при этом ее порывы не были опасными и не причиняли никому вреда. Жаклин не успевала надоесть Франсуазе; напротив, женщина с нетерпением ждала выходного дня. С некоторых пор воскресные вечера тоже стали своеобразной отдушиной: супруги сидели на террасе и мирно беседовали; иногда Франсуаза смеялась, вспоминая о том, что они с Жаклин делали днем.

Однажды майор с женой припозднились: уже стемнело, а они все еще пили вино. Постепенно на землю опускалась желанная прохлада, и в то же время земля щедро отдавала накопленное за день тепло. Звонко стрекотали цикады, и одуряюще сильно пахли цветы.

Франсуаза была в пеньюаре, цвет которого было сложно различить в темноте. Фернан признался себе, что довольно давно не обращает внимания, как она выглядит и во что одета, и объяснял это ее холодностью к нему.

На самом деле, она выглядела блестяще: сияющая кожа, тонкие черты, полные губы, большие глаза. В ней всегда было что-то от чужеземки, нечто притягивающее, жгучее и вместе с тем непонятное.

Шелковый пеньюар был надет на голое тело. Фернан понял это, когда, отставив бокал, жена поднялась с места, а потом наклонилась к нему, и его взору открылась ее нежная белая грудь.

— Почему бы нам не отправиться в постель? — вкрадчиво промолвила Франсуаза.

Майор невольно отпрянул. В какой-то момент именно она решила, что у них будут отдельные спальни, недвусмысленно дав понять, что больше не желает видеть его рядом с собой.

— Ты меня не хочешь.

— Ты в этом уверен?

— Я ни в чем не уверен уже очень давно.

Франсуаза села на колени к мужу. Ее руки блуждали по его плечам и спине, ее поцелуи обжигали его губы. Майор остро ощущал свою уязвимость. В конце концов, он был живым человеком. Он не монах и не должен стыдиться вожделения, тем более эта женщина — его жена.

Ему было обидно от сознания того, что Франсуаза ему изменяла, — ведь он сам никогда этого не делал, хотя обладал мужской привлекательностью и женщины обращали на него вни-

мание! — но он не мог переделать ни свою, ни ее натуру. Сейчас она желала принадлежать именно ему, только ему. Быть может, отныне так будет всегда?

Он овладел ею прямо на террасе — благо вокруг не было ни души, овладел быстро, жадно, так как ей нравилось, а потом отнес в спальню, чтобы наслаждаться уже не спеша. Поскольку обстановка комнаты Фернана была по-военному скромной, они устроились на широком ложе Франсуазы с тонкими простынями и множеством подушек.

Лунный свет скользил по слитым воедино обнаженным телам. Женщина прерывисто дышала, а иногда вскрикивала. Майору чудилось, будто с каждым движением он все глубже погружается в некую бездну.

С некоторых пор спутником его жизни стал определенный аскетизм. И сейчас он считал возможным сполна утолить давний голод и не сдерживать бурю страсти. В конце концов, душа могла и не участвовать в этом, потому что Фернан давно понял: именно душу стоит оборонять самым крепким щитом. Особенно если дело касается Франсуазы.

Была почти середина ночи. Майор лежал на спине, а Франсуаза — рядом, на боку, глядя мужу в лицо. Ее бедро красиво изгибалось, а грудь слегка колыбалась в такт успокоившемуся дыханию.

— Завтра ты можешь не ходить на службу? — спросила Франсуаза Фернана, проводя рукой по его волосам.

— Не могу.

— Жаль. Провели бы день в постели. Тогда еще раз — сейчас. — И это прозвучало почти как приказ.

Франсуаза могла неделями отвергать его, а потом наступала пора, когда она была готова отдаваться ему раз за разом. Было слишком поздно, и он утомился, но Фернан знал, что, если откажется, скажет, что не хочет или не может, жена осыплет его упреками, оскорблениями и насмешками.

Он давно понял, что надо ловить определенные мгновения жизни. Он был неплохим человеком и мужем, но жизнь вечно вынуждала его довольствоваться какими-то крупинками. И кто меньше всего считался с его желаниями, так это Франсуаза.

Фернан решил, что постарается заснуть, ни о чем не раздумывая. И все-таки кое-что не давало ему покоя.

— Помнишь историю про араба с конюшней твоего отца, которую ты мне рассказывала? — натянуто произнес он. — Неужели это правда?

Темные глаза Франсуазы сверкнули, словно в них отразился свет луны.

— Конечно, нет, дорогой, — мягко сказала она, — я тебе солгала.

Глава восьмая

Глава восьмая

Как ни нравилась Идрису разноцветная говорливая уличная толпа, как ни привлекало сверкающее на солнце море, он быстро понял, сколь претят ему бесконечно далекие от чистоты и строгости племенных обычаев городские нравы. Дело было не в каменных стенах, в коих он, привыкший к вольным просторам пустыни, отныне был замкнут, а именно в людях.

В эту школу набирались арабские мальчики со всех уголков страны, и среди них было немало таких, кто гордился старинными традициями своей семьи, родовым укладом и при этом презирал все сколько-нибудь чужое и считал бедуинов бедняками и дикарями.

Отец всегда твердил Идрису, что самое важное в жизни — это личные достижения, повторяя, что главное — не корона, а голова, но другие полагали иначе. Идеалом шейха Сулеймана был воин пустыни, с гортанным криком пускающий лошадь наперерез врагу, неистово мчавшийся через пески навстречу судьбе. Всадник, пригнувшийся к шее коня, одной рукой вцепившийся в луку седла, а в другой державший ружье, способное поразить любую цель. И при этом — не кичившийся своей удалью, с бесстрашием внимающий похвалам, полный спокойствия и правдивости, каких требует жизнь в пустыне.

В том, что этот идеал разделяют далеко не все, Идрис понял, едва переступив порог школы.

Передав плату за обучение и сдав на хранение вещи юного господина, проводимые уехали, и он остался один в пока еще незнакомом месте, с холодком в груди и неприятной слабостью в ногах. В оазисе он был личностью, возможно, кем-то и нелюбимой, но неприкосновенной. Сын шейха Сулеймана хорошо знал законы племени и особенности жизни в пустыне, но здешние правила были ему неизвестны.

Идрис стоял с подаренным отцом Кораном в руках в окруженном высокими каменными стенами дворе, ожидая прихода кого-либо из наставников, когда из невысокой арки выбежал босоногий худенький мальчик, а за ним — двое других, постарше и покрепче, да к тому же куда лучше одетых. Повалив слабого противника на каменные плиты, меж которых пробивалась трава, они принялись его колотить. Мальчишка не сопротивлялся и лишь прикрывал голову.

Почувствовав, как в душе закипает гнев, Идрис сделал шаг вперед со словами:

— Оставьте его!

Юный бедуин произнес это повелительно и твердо, как привык говорить шейх Сулейман, вождь и духовный отец бедуинов оазиса Айн ал-Фрас.

Мальчики, которые были и выше его ростом, и старше, отпустили жертву и выпрямились. Воспользовавшись этим, обижаемый ими мальчишка медленно поднялся, попятился, а после, юркнув в арку, исчез.

— А ты кто такой? — бросил один из мальчиков, с явной враждебностью разглядывая Идриса.

— Новенький? — прищурился второй.

— Да.

— И откуда?

— Из оазиса Айн ал-Фрас.

— Что-что? «Поилка для верблюдов»? — Они дружно захохотали. — Так ты из пустыни? Бедуин? Кто тебя сюда послал и зачем?

Губы Идриса задергались, а глаза потемнели. Сделав над собой усилие, чтобы сдержаться, он с достоинством произнес:

— Я приехал учиться. Меня послал сюда мой отец, шейх Сулейман ибн Хусейн аль Салих.

— Подумаешь, шейх! — фыркнул один из мальчиков. — Предводитель нищих дикарей! А вот мой отец — эмир и его, — он кивнул на товарища, — тоже. И если мы захотим, ты уберешься обратно в пески.

Ни один обладающий хоть каплей достоинства правоверный не снесет оскорбления в адрес своего отца. Положив Коран на небольшой каменный приступок возле стены, Идрис подошел к обидчику и ударил его. Тот ответил. Завязалась драка.

Юный бедуин бился отчаянно и храбро, но он с самого начала очутился в невыгодном положении, и ему здорово досталось. Побоище прекратил появившийся из арки наставник, резкий окрик которого сразу отрезвил драчунов.

Мальчики тяжело дышали, с бешенством глядя друг на друга. У Идриса была разорвана одежда и разбита губа.

— В чем дело? — холодно и сурово произнес мужчина, и юный бедуин почувствовал, как его противники затрепетали.

— Это новенький, муаллим[1] Ризван, — поклонившись наставнику, произнес один из воспитанников, — он первым ударил Максуда.

Муаллим Ризван повернулся к Идрису, и его взгляд буквально приклеился к лицу мальчика.

— Только приехал и сразу драться? Забыл, что находишься в масхабе[2] — обители постижения божественной истины, а не в своем оазисе? Драка есть мустакрух[3], ты должен это запомнить. Ступай за мной.

Тон наставника не допускал возражений. Идрис всей кожей ощущал торжество своих противников. Подняв Коран (в довершение всего священная книга упала на землю), он направился вслед за муаллимом Ризваном.

Тот привел мальчика в небольшое помещение, каменные стены которого были украшены затейливым орнаментом, а гладкий пол устилал пестрый ковер. Здесь было много книг в великолепных кожаных переплетах с глубоким золотым тиснением. Посреди комнаты стоял столик, потемневшее от времени дерево которого покрывала искусная резьба. На столике Идрис увидел серебряный письменный прибор и сложенные в стопку бумаги.

Учитель опустился на богато расшитую подушку с кисточками и бахромой, тогда как мальчик продолжал стоять.

— Вообще-то мы неохотно принимаем в школу жителей пустыни, потому что почти никто из них впоследствии не избирает духовную стезю. Тем более в стране осталось мало масхабов, поскольку их позакрывали европейцы, — сообщил муаллим Ризван. — Но твой отец очень просил за тебя, и я согласился. Потому хотя бы на время учебы ты должен оставить свои привычки и усвоить, что здесь побеждает ум, а не сила.

Перед тем как отправить сына в школу, шейх Сулейман объяснил ему, что в масхабе самый главный человек — это муаллим. Ученики встречают его поцелуем руки и полы одежды, никогда ему не возражают и не смеют поднимать на него глаз.

Забыв о том, что ему говорил отец, Идрис слушал наставника, не опуская головы и не отводя взора. Он буквально излучал достоинство и твердость. Ему хотелось сказать о том, что путь воина, сражающегося за истину, против завоевателей и иноверцев, не менее праведный и сакральный, чем путь мудреца.

По-видимому, реакция мальчика не понравилась учителю, потому что он сухо завершил:

— Тебе придется прочитать «аль-Муватту»[4] и выучить основные ее положения. А теперь я отведу тебя к другим ученикам и не вздумай ссориться с ними.

В комнате, где занимались учащиеся школы, были маленькие коврики и деревянные подставки для письменных принадлежностей и книг. В высокие узкие окна струился свежий утренний воздух и теплый золотистый свет.

Мальчишки шумели, но, когда вошел учитель, мигом замерли и притихли, так что стало слышно доносившееся из сада пение птиц.

— Это новый ученик, — сказал муаллим Ризван. — Он из пустыни, прислан сюда отцом, шейхом Сулейманом ибн Хусейн аль Салих.

Двадцать пар глаз уставились на Идриса, и тому стоило больших усилий сохранить непроницаемое выражение лица, держаться гордо и прямо. Когда учитель промолвил «думаю, с кем бы тебя поселить?», что-то заставило мальчика указать на того самого худенького воспитанника, которого обижали сыновья эмиров.

— Можно, я буду жить с ним?

По комнате пронесся напоминающий порыв ветра удивленный шепоток: и от того, что новичок осмелился выразить свое желание, и наверняка — по поводу его выбора.

— С Наби? — сперва муаллим Ризван нахмурился, но, подумав о чем-то, сказал: — Что ж, да будет так, тем более он живет один.

Идрис подошел к мальчишке и сел рядом с ним. Он видел, как сыновья эмиров, Максуд, и второй, имени которого он пока не знал, перешептываются и посмеиваются.

Что касается Наби, тот не выказал ни радости, ни огорчения. Когда мальчишки принялись писать под диктовку учителя, Идрис удивился тому, что из-под пера соседа выходит на редкость правильная, красивая вязь. Сам он был далеко не так искусен в письме; пальцы, державшие калам, казались деревянными, а мысли не поспевали за словами муаллима.

— Наби, — промолвил учитель, когда урок закончился, — покажи Идрису комнату, где вы будете жить.

Сопровождаемый взглядами других учеников, Наби повел новенького за собой.

В комнате почти ничего не было, зато голые каменные стены источали приятную прохладу.

— Если б ты поселился с кем-то другим, там была бы иная остановка, — сказал Наби.

— Я привык к простоте.

— Почему ты за меня заступился?

— Я не терплю несправедливости.

— Но ведь ты не знал, в чем дело.

— А в чем? Неужели ты что-то у них украл?!

— Не украл. Но не отдал.

— А что?

Наби не ответил на вопрос; вместо этого произнес:

— Сейчас нам дадут поесть. А потом занятия продолжатся. Идем.

Во дворе из дымящегося котла раздавали рассыпчатый, сваренный на пару, приправленный маслом и пряностями кускус. Порции были не слишком большими, но к каждой подавалась лепешка.

Едва Идрис и Наби устроились под большим платаном, к ним подошли Максуд с приятелем, которого звали Якуб.

— Не можешь отдать деньгами, отдавай едой! — грубо произнес Максуд и выхватил у Наби лепешку.

Идрис был готов подняться на ноги и вновь заступиться за нового товарища, но Наби удержал его.

— Хочешь казаться умнее всех, как и этот? — презрительно бросил Якуб, обращаясь к Идрису. — Неудивительно, что два оборванца нашли друг друга!

Когда мальчишки отошли, Идрис спросил Наби:

— Что им от тебя нужно?

Тот сжался и не ответил, но юный бедуин заметил, что его глаза полны слез.

— Возьми мою лепешку, я не голоден.

— Нет.

— Хотя бы половину. Ведь теперь мы соседи, а соседи должны помогать друг другу.

— Ты зря связался со мной, — выдавил Наби. — Из этого не выйдет ничего хорошего.

— Поверь, мне все равно.

Вскоре Идрис узнал, в чем дело. Наби был сыном бедного и незнатного человека, но с раннего детства отличался тем, что, однажды что-то увидев или услышав, больше никогда этого не забывал. К девяти годам Наби знал наизусть больше половины из ста четырнадцати сур Корана; к тому же, в отличие от других ребят, он не заучивал их без понимания, а мог растолковать смысл. Вдобавок он сочинял стихи.

У отца мальчика хватило дальновидности и разума отправить сына в школу. В виде исключения Наби приняли в масхаб, и, чтобы вовремя вносить плату за обучение, его отец, имеющий большую семью, выбивался из сил.

Человек, умеющий громко и четко читать Коран, может легко зарабатывать на сговорах, свадьбах, похоронах и поминках. Однако знания Наби не ограничивались сурами, он отлично считал и прекрасно писал, свободно излагая свои мысли на бумаге, преуспел в изучении истории, географии, астрономии и других наук.

Будучи самым бедным в масхабе, этот мальчик слыл самым способным, и другие ученики, особенно из числа разряженных и надменных отпрысков мусульманской знати, ненавидели его и издевались над ним.

У Наби почти никогда не водилось денег, между тем деньги были нужны, хотя бы на школьные принадлежности, и ему приходилось их занимать. Он отработывал долг, делая уроки за других учеников, объясняя им то, чего они не поняли, или выполняя вместо них какие-то поручения. Но порой ему не удавалось вовремя рассчитаться с ними, и тогда его били. Максуд и Якуб отобрали у Наби лепешку не потому, что были голодны сами, а для того, чтобы оставить голодным его.

— Я буду делиться с тобой всем, что у меня есть, — сказал товарищу Идрис. — И не вздумай ничего предлагать взамен.

Ему и в голову не приходило, правильно ли он поступает, с самого начала противопоставляя себя остальным. Он взял опеку над Наби, как в свое время предложил Анджум стать ее братом. Идрис твердо знал, что долг будущего шейха — защищать обездоленных и слабых.

— Кем ты хочешь быть? — спросил он Наби, и тот ответил:

— Пока не знаю. Аллах подскажет.

— Мне кажется, у тебя бы хорошо получилось учить других. Я слышал, как здорово ты умеешь объяснять!

— Только то, что хорошо понимаю сам, — сказал мальчик и спросил: — А ты?

— Я воин. И я собираюсь бороться за истину правоверных. Я хочу помогать отчаявшимся и бедным.

Услышав такие слова, Наби показал Идрису стихи:

Один поглощен богатством:

Одеялом, ковром, матрасом.

Другой в полной мере счастливый

Только рядом с цветущей нивой.

О детях помыслы третьих,

Добро они пестуют в детях.

Что же делать, Всевышний, нищим?

Дай нам веру, мы веры ищем!

Они подружились. Порой Наби стремился помочь товарищу с уроками, но Идрис считал, что должен дойти до всего сам. Он был упрямым, упорным и всегда четко отделял черное от белого. Они с Наби держались в стороне от остальных, но их это не волновало.

Иногда Идрис вспоминал Анджум и очень часто — пустыню. Он думал о том, как прекрасен рассвет в песках, когда после холодной ночи воздух прозрачен и чист, с какой радостью выходишь из шатра навстречу ясному утру, с каким наслаждением греешься в солнечных лучах, не помышляя о том, что вскоре светило станет безжалостным и горячим. Только воспоминания могли перенести его в ту жизнь, какую он любил больше всего на свете.

Он поведал Наби, который никогда не бывал в пустыне, о том, что она — вовсе не угрожающее, давящее, мрачное и враждебное в своей наготе пространство: это нечто, поражающее воображение; безбрежная, вольная, полная неисчерпаемых загадок страна. Край, где царит вечное солнце, чьи лучи пронзают легкие, сердце, кровь и мозг. Мир, в котором время течет по-другому, где человек затерян среди песков и вместе с тем слит с окружающей его стихией.

Однажды Идрис заметил, что Наби грустен и странно рассеян. На уроке он путался в ответах, чего еще никогда не случалось. Идрис долго выпытывал у товарища, что случилось, и наконец тот признался:

— Отец второй месяц не присылает плату за обучение. В прошлый раз муаллим Ризван позволил мне остаться, а что будет сейчас, даже не знаю.

— Ты не должен покидать школу, ты самый лучший! — взволнованно произнес Идрис. Наби слабо улыбнулся.

— И все-таки здесь никого не учат бесплатно.

— Почему даже в масхабе все решают не способности, а деньги?

— Потому что так устроен наш мир.

Идрис задумался, а после достал из-под циновки мешочек и пересчитал то, что дал ему отец на карманные расходы. Чего у жителей пустыни никогда не бывало много, так это денег, потому их следовало беречь. И все-таки юный бедуин сказал товарищу:

— Давай я одолжу тебе нужную сумму?

— А если я не сумею отдать?

— Сейчас главное, чтобы ты остался в школе, а там будет видно.

— Нет, я не могу.

— Разве ты не хочешь учиться?

Глаза Наби заблестели.

— Очень хочу!

— Мне кажется, ради этого ты готов на все что угодно!

— Да, правда.

— Тогда почему ты не желаешь принимать помощь?

— Ты не хочешь ни от кого зависеть, так? Вот и я тоже.

— Это не зависимость, это просто дружба.

— Я сделаю это, если у меня не будет другого выхода, — с теплотой и одновременно грустью произнес Наби.

— Помнишь, — промолвил Идрис, — учитель сказал, что в жизни каждого человека есть желания, от исполнения которых зависит, будет ли его душа полным или пустым сосудом? Мне кажется, ты просто не сможешь без всего этого: уроков муаллима Ризвана, письма и книг.

— Да, не смогу.

В тот же день, в короткий перерыв между уроками, к Идрису неожиданно подошли Максуд и Якуб. Наби куда-то отошел и, воспользовавшись этим, мальчишки заявили юному бедуину:

— Зря ты с ним связался! Лучше иди к нам. Мы готовы тебя принять. А если останешься с этим оборванцем, всегда будешь один.

— Умный человек богаче любого имущего. С помощью золота никогда не сделать того, на что способен разум, — ответил Идрис, глядя им в глаза.

Максуд и Якуб усмехнулись.

— Значит, ты не умный. Или просто мало знаешь. Этот парень вовсе не такой, каким кажется. И не говори, что мы тебя не предупреждали.

Они повернулись и удалились, о чем-то перешептываясь.

После уроков Идрис направился к муаллиму Ризвану. Никто не осмеливался нарушать покой учителя без веской причины. Но Идрис был полон решимости.

Муаллим Ризван сидел на коврике, скрестив ноги. Перед ним лежала книга, но он не читал, потому что его глаза были неподвижны. Идрису почудилось, будто наставник пребывает в некоем тонком, тайном, загадочном мире, таким одухотворенным казалось его лицо. Мальчик вспомнил, как учитель утверждал, будто человек способен испытывать состояния, которые нельзя передать словами, коим можно только внимать. И тут же подумал, что нечто подобное посещало его только в пустыне.

Идрис попятился, собираясь уйти, и в этот миг муаллим Ризван посмотрел на него.

— Что тебе надо? — спросил он, мгновенно превращаясь из таинственного мудреца в земного наставника.

— Я... я собирался узнать, нельзя ли мне заплатить за обучение Наби?

— С чего бы вдруг?

— Я знаю, что у него не хватает денег. Если вы позволите...

Низко поклонившись, Идрис остался стоять, потупив взор, как того требовали нормы послушания. Некоторое время муаллим Ризван пристально разглядывал юного бедуина, а потом обронил:

— Наби внес плату.

Мальчик встрепнулся.

— Он сам?

— Да. Сказал, что деньги передал отец. Так что ты зря беспокоишься.

Вновь поклонившись и пробормотав извинения, Идрис вышел. Он чувствовал себя растерянным. Что-то явно было не так, но пока он не мог понять, что именно.

Сидя в отведенной им комнате, Наби занимался своим любимым делом: постигал тайны слов.

— Смотри, — воодушевленно заявил он приятелю, — «таарик» — это и «поздний посетитель», и «ночной гость», и «утренняя звезда», «тарик» — и «путь», и «дорога», а «ан Тарик» — «путем», «посредством» и «через». Ты улавливаешь связь?

Идрис присел рядом, не отвечая на вопрос, ибо сейчас его волновало совсем другое.

— Ты заплатил за обучение? — спросил он.

— Ах, да! — произнес Наби. — Я забыл тебе сказать.

— Отец прислал деньги?

— Да, передал через знакомого человека: он и прежде часто так делал, — ответил мальчик и вновь погрузился в чтение.

Идрису почудилось, что Наби хочет поскорее прекратить разговор о деньгах.

Когда друга не было в комнате, что-то заставило юного бедуина заглянуть под циновку, и он с изумлением увидел, что мешочек с деньгами исчез. Идрис не знал, что подумать, его била дрожь. Он не мог заставить себя спросить у приятеля, не знает ли тот, куда подевались деньги, как не считал возможным сообщить об этом наставнику. А если тот подумает на Наби? А если мешочек украл действительно он?! Нет, это было немыслимо!

Весь день его терзала душевная боль не столько от потери денег (хотя Идрис знал, что без них ему придется нелегко), сколько от сомнений, которые поселились в душе.

Никогда прежде Идрис так сильно не желал очутиться в пустыне, постоять на краю оазиса, молча глядя на горизонт и чувствуя, как в душу проникает тишина. Находясь в песках, человек не способен запутаться в иллюзиях и грезах. Пустыня не терпит лжи, ее единственным обманом может стать только мираж.

Вечером, когда другие мальчишки резвились во внутреннем дворе, юный бедуин неподвижно сидел в углу, прислонившись к нагретой дневным солнцем каменной стене, и размышлял. Жители пустыни лучше, чем кто-либо, осознавали ценность простых вещей и истинных чувств. Но его влюбленный в книги сосед тоже прекрасно разбирался в этом. Потому они и понимали друг друга, и поэтому Идрис не мог поверить в то, что Наби способен предать дружбу.

— Эй, чье это? — послышался крик, и мальчик вздрогнул.

Посреди двора стоял Максуд и размахивал небольшим мешочком, тем самым, в каком недавно хранились принадлежавшие Идрису деньги.

Юный бедуин подошел к сыну эмира.

— Где ты его взял?

— Он валялся под деревом. А что? Это твой? Но он совершенно пуст. Что в нем было?

Максуд смотрел вызывающе, нагло и, как показалось Идрису, с неким безжалостным пониманием.

— Отдай! — коротко произнес Идрис и выхватил мешочек из него рук.

— Похоже, тебя обокрали? Интересно, кто это сделал?

— Это не твое дело!

— Почему не мое? А если завтра обворуют меня? Надо сказать муаллиму.

Идрис заметил, что глаза стоявшего неподалеку Наби стали просто огромными. А потом тот повернулся и молча скрылся из виду.

— Может, это сделал твой сосед? — продолжал насеждать Максуд.

— А может, ты?

— Я?! Ты забываешься, бедуин! Я — сын эмира, да чтоб я стал красть! Мой отец способен купить твой оазис вместе со всем, что в нем есть!

Он хотел схватить Идриса за грудки, но тот решительно оттолкнул его руку. Что-то в лице сына шейха дало Максуду понять, что сейчас с ним не стоит связываться.

На следующее утро, еще до занятий, Идриса вызвал муаллим Ризван.

По полу и стенам его комнаты рассыпались ярко-желтые, напоминавшие растопленное масло блики, небо в окне имело насыщенный бирюзовый цвет и пересекалось ветками зелени, но лицо наставника было строгим и мрачным. Он сухо произнес:

— Я узнал, что у тебя пропали деньги. Ты кого-то подозреваешь?

Идрис помотал головой.

— А Наби? Ты наверняка доставал при нем свой мешок. Остальные едва ли знали, где он хранится.

— Наби станет последним, на кого я укажу, — твердо произнес Идрис. — Я доверяю ему, как никому другому.

Взгляд муаллима Ризвана сделался жгучим и острым.

— Ты прилюдно обвинил в краже одного из учащихся. Максуд — представитель высшей знати! Это твой второй мустакрух.

— Я его не обвинял, — возразил Идрис. — Максуд заподозрил Наби, и я просто спросил, а не он ли сам это сделал.

Услышав такую дерзость, учитель нахмурился. Этот сын пустыни явно был склонен нарушать правила. Еще ни один из учащихся масхаба не осмеливался возражать самому муаллиму!

— Указать на того, кто знал, где хранятся деньги, — первое, что приходит в голову каждому! А ты проведешь три дня взаперти на одной воде.

Сын шейха с достоинством поклонился. В его лице ничего не дрогнуло. Отец с детства учил его принимать невзгоды и лишения бесстрастно и твердо.

Вернувшись в свою комнату, Идрис увидел, что Наби страшно смущен и взволнован. Кажется, в отсутствие приятеля он даже плакал.

— Я ничего не брал! — быстро произнес он.

— Я знаю. Не думай об этом. Тебя никто не винит.

Идрису пришлось рассказать о наказании, и Наби очень огорчился.

— Это все из-за Максуда и Якуба. Как ты выдержишь без еды целых три дня!

— Для меня это не страшно. В конце концов, это тело — слуга души, а не наоборот.

Не привыкшие к обильным пиршествам обитатели песков в неблагоприятные времена потуже затягивали пояса. Случалось, они неделями питались одним верблюжьим молоком и зачастую употребляли мясо в виде высушенных жестких волокон, которые с трудом можно было разорвать зубами.

Несмотря на тревоги Наби, Идрис отнесся к заточению удивительно спокойно. Его не терзало одиночество. Люди пустыни редко остаются одни, они живут в тесном окружении соплеменников и вместе с тем внутренне — всегда наедине с песками, с их величием, безмолвием и пустотой.

Когда через три дня Идриса выпустили, он заметил неприкрытое злорадство Максуда и Якуба, которое, однако разбилось о его равнодушное спокойствие. Он решил, что больше не станет обращать на них внимания, что отныне они для него не существуют.

А потом произошло то, что перевернуло все с ног на голову.

Стояло чудесное утро, и Идрису захотелось посмотреть на город. К тому же выдался редкий случай, когда муаллим Ризван отлучился по делам до полудня, и юный бедуин уговорил друга тайком взобраться на стену. Они вскарабкались по растущему возле ограды дереву и вскоре очутились наверху.

Отсюда открывался такой вид, что захватывало дух. Белый город словно притягивал солнце и отражал его свет до боли в глазах. Вздвигались ввысь казавшиеся золотыми минареты, и мягко круглились купола мечетей. Плоские крыши домов образовывали гигантскую лестницу, и на многих из этих ступеней копошились люди. Море переливалось синевой и сверкало серебристыми искрами, на его глади белели треугольники парусов.

Мальчики наблюдали за снующими по улице людьми. Звеня браслетами и непрерывно болтая, прошла группа закутанных в покрывала женщин, и Идрис подумал о бедуинках, лица которых оставались открытыми, бедуинках, порой имевших единственное украшение в виде ярко раскрашенных глиняных бус.

Словно прочитав его мысли, Наби произнес:

— Когда ты вернешься в оазис, наверное, сразу женишься? Я слышал, у вас это происходит рано.

— Я не думал об этом, — уклончиво ответил Идрис, уверенный в том, что они еще не могут беседовать о женщинах, как взрослые мужчины.

— Мне кажется, я останусь один, — задумчиво промолвил Наби, и юный бедуин удивился:

— Почему?

— Чтобы ничто не мешало моему общению с Аллахом и книгами. Если я и женюсь, то только в том случае, когда мне не останется ничего другого.

— К чему ты стремишься?

— Я хочу овладеть тайными знаниями и открыть Сотое Имя Всевышнего[5]. Девяносто девять я уже выучил.

— Ты очень предан Аллаху! — восхитился Идрис, и Наби заметил:

— Да, это так и все же меня не покидает мысль о том, что все религии едины. Это признавали даже Пророки. Иисус провозглашал отречение от мирского и любовь к небесному, а Мухаммед соединил в себе и первое, и второе. Над нами существует нечто всеобщее, то, чему нет названия, а потому придет время, когда люди объединятся, хотя сейчас это кажется невысказанным.

— Объединятся, чтобы бороться с белыми?

Идрис много думал о том, что между мусульманскими правителями, что мелкими, что крупными, нет никакого братства. Они будто забыли слова «Воистину верующие — братья»[6].

— Я говорю обо всех народах.

— Союз верных с неверными?! — возмутился Идрис, и Наби загадочно заметил:

— Когда-нибудь и что-нибудь заставит тебя понять, что это возможно.

Идрис покачал головой.

— Если б твои речи услышал муаллим...

— Он выставил бы меня из школы, даже если б я принес ему все золото мира, — продолжил Наби и добавил: — Я хочу изучить французский. А ты?

— Язык неверных! Зачем он мне?!

— Как ты догадаешься, что на уме у твоих врагов, если даже не знаешь, о чем они говорят!

— А муаллим? Что он скажет?

— Полагаю, он не станет возражать. Он сам сказал, что ему нужен переводчик.

— Мне кажется, когда-нибудь я стану гордиться тем, что познакомился с тобой, — промолвил Идрис.

Мальчики сидели на стене и болтали до тех пор, пока утренние тени не побледнели, а мостовая не раскалилась, как металлический противень. Все лавки, в которые попадало солнце, закрыли свои двери. Белые одежды редких прохожих почти сливались с озаренными ослепительным солнцем стенами.

По улице медленно шел человек, с виду бедняк, на челе которого отражались все пережитые им нелегкие годы. Но его морщины казались выразительными, а в глазах виделся свет, как у того, кто имеет одну единственную важную, пусть и с трудом достижимую цель.

— Отец! — прошептал Наби и едва не сорвался со стены.

— Он приехал? — удивился Идрис.

— Да. Не представляю, почему? Наверное, что-то произошло!

Мальчики спустились во внутренний двор, и Наби побежал встречать отца.

Идрис сразу понял, каких усилий стоило этому человеку обучать сына в таком заведении. Когда Наби сообщил о своих успехах (которые его отец едва ли сумел бы оценить), мужчина не погладил сына по голове и не похвалил, однако взглянул на него с нескрываемой гордостью.

Наби с отцом отправились к муаллиму Ризвану после полуденной молитвы. Недавно вернувшийся учитель выглядел несколько раздраженным: так было всегда, когда ему приходилось отлучаться из масхаба.

— Если вы хотите узнать о вашем сыне, то могу сообщить, что у него все хорошо.

Мужчина низко поклонился и коснулся губами края одежды наставника.

— Слава Аллаху, да продлит его воля ваши дни! Я приехал еще и затем, чтобы внести плату за обучение Наби. Благодарю, что не исключили его из школы, хотя я не привозил деньги почти два месяца.

В лице муаллима Ризвана отразилось недоумение.

— Но Наби заплатил; как он сказал — деньгами, которые прислали вы. Об этом есть запись в учетной книге.

Отец мальчика покачал головой.

— Я ничего не присылал.

— Но тогда откуда взялись эти деньги?!

Мужчина выглядел испуганным.

— Я не знаю.

Когда наставник вышел во двор непривычно стремительным, пружинящим шагом, ожидавший товарища Идрис почувствовал, что сейчас случится что-то очень плохое.

Отец Наби плелся за муаллимом обессиленной, шаркающей походкой. Его лицо казалось присыпанным белой пылью, а взор погас.

Идрис не слышал того, что учитель говорил его другу, но он понял все по ошеломленному, растерянному взгляду и опущенным плечам Наби. Когда юный бедуин подошел поближе, до него долетели обрывки фраз:

— Это харам[7]!

— Я заберу сына из школы...

— Да, и немедленно!

Хотя Идрис никогда еще не видел муаллима Ризвана в таком гневе, какая-то сила бросила его вперед, и он воскликнул:

— Нет! Наби нельзя выгонять! Я верю ему, как самому себе! Низкое не может сочетаться с высоким! Если вы исключите его из масхаба, тогда я тоже уеду!

Губы учителя задергались, а глаза словно превратились в пылающие угли.

— Да как ты смеешь!

Схватив Идриса за шиворот, муаллим Ризван почти поволок его за собой. Все, кто присутствовал при этом, раскрыли рты. Мальчишка из оазиса не просто забылся, он совершил неслыханное!

— Вижу, ты совсем не знаешь, как вести себя, бедуин! — прошипел учитель, втолкнув мальчика в кабинет.

Но Идриса уже нельзя было остановить, ибо человеческий характер порождают земля, обычаи и время. Его словно подхватил горячий ветер пустыни, пустыни, никогда не идущей на уступки, манящей одних и преграждающей путь другим.

— Нет, знаю! Это мои деньги, и, если я не обвиняю Наби, его не может обвинять никто! Надо провести расследование, а не верить глупым наветам.

Идрис, не отрываясь, смотрел на наставника. Глаза юного бедуина не боялись солнца, так почему они должны были страшиться чьего-то гневного или обвиняющего взгляда?

Помимо воли муаллим Ризван почувствовал в этом мальчике некую силу, силу будущего правителя, пусть небольшого оазиса, зато правителя истинного, для которого превыше всего — вера в справедливость.

— Хорошо. Я проведу расследование. Пока что Наби останется в школе. А тебе я назначаю розги — десять штук. И пять дней взаперти. К тому же я вызываю в масхаб твоего отца.

В таких случаях мальчики обычно падали на колени и начинали плакать, но Идрис не дрогнул, и муаллим Ризван невольно поразился его недетской твердости, упрямой жизнерадостности и воле стоять на своем.

[1] Муаллим — учитель.

[2] Масхаб — религиозно-правовая школа.

[3] Мустакрух — осуждаемое, вредное, греховное деяние.

[4] «Аль-Муватта» (Расчищенная тропа) — главный труд Малика ибн Анаса (VIII в.), основателя одного из самых строгих течений, преобладавшем в магрибском исламе. Он построил систему права, требующую от мусульманина строжайшего выполнения всех предписаний, исходящих из Корана и Сунны (сборника высказываний Пророка и преданий о его поступках).

[5] Согласно Корану, тайное, Сотое Имя Всевышнего может открыться лишь посвященным высочайшей степени и пророкам.

[6] Коран, 49:10.

[7] Харам — категорически запретное, строго наказуемое действие.

Глава девятая

Глава девятая

Когда совсем стемнело и обитатели шатра уснули, Анджум выбралась наружу. В сложенном возле жилища очаге тлели последние угли, над головой искрились звезды, и разливался мягкий свет полной луны.

Девочка села на не успевший остыть песок и задумалась. Как она ни уставала от работы, эти минуты были для нее единственной возможностью побыть в одиночестве, наедине с самой собой.

Халима родила сына, чему и она, и Гамаль очень обрадовались. Анджум знала, что мать снова беременна, и видела, что та уже не считает старшую дочь ребенком, тем более не так давно ей сделали татуировку на лбу в виде синего треугольника: это означало то, что она стала девушкой. Семья была довольна, что дочь приносит в шатер еду, а иногда и мелкие деньги, но ни отец, ни мать никогда не задумывались о том, что у нее на душе.

Анджум тяжело вздохнула. Она не видела впереди ничего, что внушало бы ей надежду. День ото дня девочка занималась однообразной тяжелой работой, выполняя поручения взрослых женщин, слыша их окрики, и отнюдь не считала, что это служит во благо ее будущего.

Она не размышляла о том, за кого и когда выйдет замуж, не мечтала вырваться из пустыни, и все-таки что-то не давало ей покоя. Идрис приоткрыл ей, что в мире есть иная жизнь, существует много-много всего, о чем она не имела понятия, и это было как взмах крыльев, которые теперь поникли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.